

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Даниил КАЛИНИН

ИГРА НЕ ДЛЯ ВСЕХ 1941

Большинство их осталось на границе — убитых, но не сломленных

Даниил Сергеевич Калинин

Игра не для всех. 1941

Серия «Игра не для всех», книга 1

Серия «Современный
фантастический боевик (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66368980

Калинин, Даниил Сергеевич. Игра не для всех. 1941: АСТ; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-139374-8

Аннотация

22 июня 1941 года под Брестом первый удар вермахта приняли на себя пограничники и гарнизоны ещё недостроенных дотов. Не имея приказа отступать и ожидая помощи армейских частей, они бились до последнего патрона, не сдавая и пяди советской земли. Большинство их осталось на границе – убитых, но не сломленных... Наш современник получает возможность проверить себя, отправившись в прошлое. Перенос обеспечен технологиями виртуальной реальности, и для Ромы Самсонова все происходящее кажется будоражающим кровью приключением... пока не выясняется, что назад дороги нет и в случае смерти в прошлом Рома погибнет по-настоящему. Теперь он боец 3-й заставы 17-го Брестского погранотряда, и его судьба тесно

переплелась с судьбами советских воинов, погибших в далеком сорок первом...

Содержание

Пролог	6
Глава первая	21
Глава вторая	36
Глава третья	50
Глава четвертая	68
Глава пятая	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Даниил Калинин

Игра не для всех. 1941

© Алекс Каменев, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

*** * ***

Пролог

Здравствуйте! Вас приветствует игровая реальность проекта «Великая Отечественная». Вы готовы пройти погружение и принять участие в самой грандиозной войне двадцатого века?! С ростом уровней вам будут доступны новые игровые роли, а достоверность отражения виртуальной реальности позволит вам испытать весь спектр ощущений пребывания в прошлом.

Вы готовы?

– Блин, ну наконец-то! Да!!!

Вы желаете играть под собственным именем или выберете персонажа из числа реальных участников боевых действий?

Некоторое время мучительно думаю: с одной стороны, хочется остаться собой, с другой – добиться максимальной достоверности.

Вы желаете играть под собственным именем...

– Да!

Повторяю вопрос: вы желаете играть под собственным...

– Под собственным!

Ну вот, опять из-за этой тупой железяки выбираю не то... Ну ладно, под собственным именем тоже норм.

Предупреждаю: вы выбрали случайное определение игро-

вых ролей. Если вы желаете вернуться к определению роли, вам необходимо остановить процесс погружения выходом из игровой реальности и перезапустить капсулу погружения. Вы желаете сменить случайное определение игровых ролей в пользовательских настройках?

– Нет!

Вот ведь зараза тормознутая, а еще говорили: отлично работает, отлично работает! Да где же там это отлично?! Пока регистрировался, аж вспотел от напряжения, интерфейс с голосовыми командами оказался жутко замороченным. Вот и выбрал вместо наводчика танка рандомное определение персонажа.

Предупреждаю: вы выбрали случайное определение игровых ролей...

– Не желаю! Не хочу менять!!!

Прошу немного подождать, идет подбор игровой роли.

Время ожидания составляет...

Одну минуту.

Фу-ух, ну наконец-то. Пофиг уже, какую роль подберет ИИ, сейчас потестю первого персонажа, там поглядим – сменить всегда успею. Говорят, некоторые игроки по неделе играли в первый день войны тупо для того, чтобы попробовать на себе все возможные роли. Так что рандом – это, может быть, даже и хорошо.

Время ожидания составляет...

Тридцать секунд.

А голосок-то у нее все-таки приятный... Интересно, как выглядит та чикуня, что озвучивала программу? Хотя наверняка на деле все сгенерировано с учетом тембров, интонаций и прочей шляпы. Ладно, теперь уже можно расслабиться и поудобнее лечь в капсуле, благо что лежак в ней эргономичный, с автоподстроеном под габариты игрока. Поудобнее, блин, чем моя родная кровать с «умным» матрасом!

Поздравляю! Ваш персонаж определен: красноармеец Роман Самсонов, стрелок третьей заставы 17-го Краснознаменного Брестского пограничного отряда. Место дислокации: деревня Величковичи. Дата: 22 июня 1941 года. Декретное время: 4 часа 10 минут.

Во! Отличный вариант! Не такой уж и неудачный у ИИ выбор...

До запуска погружения остается:

10, 9, 8, 7...

Легкий укол в шею – и в тело вводится строго выверенная порция снотворного. А ведь сколько, блин, было перед покупкой заморочек со сдачей медицинских тестов! Елы-палы, как в поговорке: прошел огонь и медные трубы. Но ничего, сейчас я уже поиграю!

Поиграю...

Глаза слипаются сами собой. Как здесь уютно...

Какой-то потусторонний, незнакомый звук заставляет меня их открыть. В первые мгновения я не понимаю даже, где нахожусь: взгляд уткнулся в бревенчатый потолок, а под спи-

ной что-то тихо скрипнуло.

И тут меня буквально подбросило на кровати от мощного толчка! А секунду спустя в помещении раздался противный звон разбивающегося стекла и грохот близкого взрыва. Настолько близкого, что первым желанием было спрятаться – неважно где, хоть под кроватью!

– Застава! В р-р-ружье-е-е!!!

Казарма – теперь до меня доходит, что игра уже началась (ура-а-а-а!) и я нахожусь в казарме пограничников, – наполнилась испуганными криками и отборной руганью. Но чаще всего я слышу два слова: «напали» и «немцы».

– Самса, ты чего, уснул?! Одевайся!

Рослый крепкий парень, рекордно быстро успевший накинуть на себя светло-зеленого (защитного!) цвета гимнастерку и надеть галифе, а также шустро намотать портянки и обуть сапоги, ожег меня злым взглядом. На петлицах воротника его гимнастерки я разглядел один треугольник – и тут же в голове будто щелкнуло: младший сержант. Младший сержант Артем Зиборов, прозвище Зебра, призван из-под Смоленска. Командир моего отделения.

А вот это круто: никаких бегающих перед глазами интерфейсов или меню! Вся нужная информация и знания поступают сразу в память игрока!

– Бегом!!!

Сейчас Зиборов орет уже всему отделению. Практически все бойцы, кроме меня, одеты и вслед за младшим сержан-

том бросаются к оружейной комнате – о-о-о, теперь и я знаю, что это такое! Впрочем, думаю, что вскоре перестану удивляться обновлениям информации в своей голове.

Противный частый свист отчетливо раздается сквозь выбитые окна, и прямо на моих глазах во дворе перед казармами встает цепочка разрывов, еще не так заметных в отступающих сумерках. Как замороженный, сквозь пустую раму я смотрю на плотные облачка дыма, пыли и поднятой в воздух земли, пока что-то горячее не чиркнуло по щеке. На автомате приложив к ней руку, я почувствовал под пальцами что-то влажное. Поднеся ладонь к лицу, вижу кровь.

А секунду спустя приходит какая-то резкая боль.

– Твою же ж!..

В описании игры говорилось, что *все* ощущения будут соответствовать реальным на сто процентов, но я не думал, что первым наиболее ярким из них станет боль. Но в то же время она помогла мне прийти в себя: вскочив с кровати, я начал торопливо и неловко одеваться. Впрочем, в голову тут же постучалась очередная мысль: гимнастерку стоит надевать через голову, как свитер, тут же натягивать галифе, портянки... С ними приходится повозиться, и с первого раза не получается. Здорово нервируют истеричные крики погранцов, столпившихся у оружейки, и то, что я теряю время.

Очередной мощный взрыв (в сознании вновь щелкает: цепочку маленьких разрывов во дворе оставили легкие минометные снаряды, а вот сейчас по нам долбануло что-то прям

ну *очень* тяжелое) прогремел, словно в соседнем помещении. Упав с табурета, на котором пытался намотать портянки, я с ужасом уставился на бревенчатую стену казармы: ее явно повело, и сейчас она буквально трещит от частых ударов по ней то ли осколков, то ли комьев земли. Впрочем, вскоре становится понятно, что рвануло не так близко, иначе бы казарму на фиг разнесло, но тут в толпе пограничников раздается заполошный крик:

– Вилка!!!

И все бойцы с отчаянными криками ломанулись наружу. Тут до меня доходит, что вилка – это когда во время артобстрела один «чемодан» ложится с недолетом, другой с перелетом, а третий уже точно накроет цель. Забыв о портянках, я голыми ногами залезаю в сапоги и, схватив ремень, бросаюсь к выходу.

Очередной грохот раздается прямо за спиной – и тут же сзади что-то очень горячее подхватывает меня и несет по воздуху. Мой короткий полет, за время которого я едва ли не обделался от страха, длится всего пару секунд и заканчивается жестким столкновением с деревянным полом казармы.

Тьма.

...Прихожу в себя с дико болящей головой. Вначале кажется, что я умер в игре и очнулся уже на идеально мягком лежаке капсулы, но тут мой взгляд утыкается в лакированный пол, натекающую на нем лужу крови из моего разбитого носа и груды мусора, валяющегося вокруг. Первой мыслью

было плюнуть на все и валить отсюда домой, где меня дожидается пицца с беконом и возможность сдать капсулу по гарантии в течение двух недель. Но в следующий миг я буквально ощутил, как по телу разливается адреналиновая волна и дикое возбуждение отменяет все пораженческие мысли.

Только в бой – иначе ради чего я вообще решил играть?!

Хотя где-то на периферии и всплыла мыслишка, что адреналин и возбуждение – это такая поднастройка игрового процесса, как раз и введенная разработчиками с целью удержать юзеров от преждевременного выхода из погружения... Но мыслишка всплыла и тут же куда-то пропала.

Впереди и чуть правее раздался глухой стон, причем донесся он издалека и словно бы сквозь какую-то преграду в ушах. Будто их набили ватой. Оглянувшись по сторонам, я вначале отметил, что немецкий снаряд все же не накрыл казарму, а только снес ее дальний от меня угол. Впрочем, этого хватило, чтобы превратить спальное расположение в какую-то чудовищную свалку из покореженных остовов кроватей. Спину так и обдало холодком – метры, которые я успел пробежать, по сути меня и спасли. Иначе бы уже валялся там, на взлетке, поломанной окровавленной куклой...

Да о чем это я? Погибнуть здесь невозможно!

И это радует...

Вновь раздается стон – издали, и, обратившись к источнику звука, я с удивлением понимаю, что он находится в каком-то метре от меня. Контузия, твою ж дивизию... Парень

с рассеченным лбом стоит на коленях, держась за голову, а прямо перед ним на полу лежит громоздкое длинноствольное оружие с массивным прикладом и прикрепленным сверху диском.

Ручной пулемет ДП-27 – Дегтярева пехотный, 1927 года разработки. Вес – более 10 килограммов, дисковый магазин рассчитан на 47 патронов винтовочного калибра 7,62. Скорострельность – 500–600 выстрелов в минуту (боевая до 80).

– Самса... Помоги... Помоги!

Парень обращается ко мне, но я не сразу понимаю, что он просит о помощи. Тут же приходит и узнавание: Василий Нежелский, парторг заставы.

– Сейчас, сейчас...

С трудом встаю на ноги – и тут же живот скручивает в резком спазме, бросив меня на колени. Контузия... Выкашлявшись, вновь пытаюсь встать, украдкой виновато посмотрев на пулеметчика, но в его взгляде встречаю только сочувствие и понимание. Благодарно ему кивнув – вот же, вроде бы просто бот, а ведь такое ощущение, что реальный, живой человек! – жестом показываю на оружейку. Нежелский скривился, но кивнул и стал понемногу вставать сам, при этом пошатываясь. Очередной толчок – звук разрыва снаряда показался мне не слишком близким и потому не очень опасным – вновь бросил нас обоих на пол. Уже не вставая, я ужом попластунски дополз до дверей пустой оружейки.

Ну как пустой? Погранцы, конечно, молодцы, цинки с патронами и гранатами успели вытащить практически все, да и оружейная пирамида опустела – за исключением одиноко стоящей в ней самозарядки.

Моей самозарядки.

СВТ-40 – самозарядная винтовка конструкции Токарева образца 1940 года. Масса в снаряженном состоянии более 4 килограммов, скорострельность 20–25 выстрелов в минуту, отъемный магазин рассчитан на 10 патронов.

С каким же восторгом я взял первую в своей жизни самозарядку – и первое оружие в этой игре! Ладная, с удобным прикладом, пахнущая металлом, деревом, смазкой... Сразу почувствовалось, что это технологичное, совершенное оружие для своего времени.

Очередной толчок (зараза, как будто землетрясение!) отвлек меня от любования самозарядкой, а прозвучавший гораздо ближе взрыв подстегнул собираться быстрее. Нацепив на поясной ремень штык-нож – и ведь как умудрился-то не выронить во время полета? – цепляю на него же два уставных подсумка с неснаряженными магазинами, по две штуки в каждом. Осмотревшись, замечаю пустой гранатный подсумок и доверху набиваю его патронами из единственного стоящего здесь же вскрытого цинка.

Все действия выполняются на автомате – необходимая информация о том, что и как нужно делать, своевременно всплывает в голове. Единственное что – очень сильно ме-

шают волнение и излишняя суетливость. Чувствую, как дрожат собственные пальцы... Покинув наконец оружейку, вижу, что за пулеметчиком уже вернулся его напарник – второй номер, Астахов Мишка, – и вместе они подхватили ящик с патронами. Нежелский накинул на плечо ремень пулемета, Астахов тащит собственную самозарядку и брезентовую сумку с дисками. Посмотрев на красноармейцев, бегом – уже бегом, быстро же я восстанавливаюсь, однако! – возвращаюсь в оружейку и, подхватив вскрытый цинк, снова покидаю казарму.

Какой-то противный свист, будто бы похожий на комариный, – и цепочка разрывов минометных мин ложится правее, метрах в тридцати. Пулеметчики сразу падают на землю и уже ползком продолжают двигаться в сторону ближайшего к казарме окопа полного профиля. Следую их примеру и я, а свист между тем становится короче. Еще не совсем понимая, что это значит, я начинаю ползти гораздо активнее... А потом мины накрывают нас на открытой площадке.

Не знаю, каким чудом я сумел удержаться от того, чтобы не вскочить и не побежать – как раз под бьющие во все стороны осколки. В голове только и билось: лежать, лежать, лежать! – и я лежал, изо всех сил старался лежать, не вскочить, не побежать, хотя до спасительных окопов вроде бы всего ничего, один короткий рывок... Цинк перевернулся, из него на сочную зеленую траву вывалились патроны, но сейчас мне совсем не до них.

Что-то горячее пребольно царапнуло задницу, я взвыл от боли, в первый миг подумав, что меня накрыл очередной немецкий гостинец, а потом понял, что в паху стало вдруг как-то необычно тепло и мокро. С ужасом осознав, что банально обоссался, я уже всерьез вознамерился покинуть игру и оторвал лицо от земли, чтобы вызвать игровой интерфейс. Но тут в поле зрения оказался парторг, в одиночку отчаянно ползущий к окопам и тащущий за собой здоровенный ящик с патронами. Тогда я нашел глазами Астахова – и увидел безвольно распластавшееся на земле неподвижное тело второго номера с едва заметной лужицей крови у виска. Судорожно сглотнув, я вновь посмотрел на Нежельского – и пополз, пополз вперед, вслед за ним, оставляя на земле влажный грязевой след.

Что мною движет? Азарт? Упрямое стремление так или иначе схватиться с немцами, хотя бы дотянуть до их появления? Или желание помочь боевому товарищу, который на деле-то и вовсе не товарищ никакой, а игровой бот?

Правда, бот этот срисован с настоящих пограничников, кто дрался на третьей заставе и умирал здесь на самом деле...

Короче, что-то такое внутри меня ворохнулось и удержало от выхода из игры. Вражеские минометчики вновь перенесли огонь вправо, и я рискнул вскочить, добежать до Астахова. Судорожно сдернув с плеча убитого (стараясь на него не смотреть) брезентовую сумку, очередной короткой пере-

бежкой я догнал уже вставшего на ноги смертельно бледного пулеметчика и схватился за вторую ручку тяжеленного патронного ящика. Еще один рывок – и мы оказываемся в окопе.

Дышу тяжело, как загнанная лошадь. Будто воздух – это вода, а я путник, прошедший пустыню, и теперь пытаюсь напиться вдоволь. Впрочем, проведя языком по потрескавшимся губам и сухому небу, осознаю, что попить сейчас было бы тоже не лишним. Вот только колодец заставы остался за спиной, а оказаться вновь на открытом участке местности под минометным обстрелом желанно нет никакого. Уставная фляжка, если в ней что и было, осталась в казарме... Еще понимаю, что кирзачи уже натирают не перевязанные портянками стопы, сильно трет и влажная, грязная ткань в паху, саднят порезы на щеке и заднице – полный ажур! От не самых приятных дум меня отвлекает резкий хлопок по плечу:

– Самсонов, останешься здесь, поможешь Нежелскому. Понял?!

Резкий голос обратившегося ко мне пробивается сквозь вату в ушах. Мой взгляд, скользнув по трем кубарям в петлицах, встречается с горящими яростным, каким-то даже безумным огнем глазами начальника заставы старшего лейтенанта Михайлова. Онемевшие губы с трудом выговаривают уставное:

– Есть.

Командир меряет меня взглядом с ног до головы, на се-

кунду задерживается на грязном паху (отчего я весь аж съежился), но вместо разноса еще раз хлопает по плечу, теперь уже не так сильно. Откуда-то издалека до меня доносится:

– Молодец, боец!

Старлей удаляется по окопу, обходя прочих погранцов. Большинство их, несмотря на обстрел, занимается снаряжением магазинов к СВТ патронами, а некоторые уже вкручивают запалы в гранаты. Несмотря на внезапное нападение и огонь, открытый прямо по казармам, эти люди не побежали стремглав во все стороны, завывая от ужаса перед немцами, а добросовестно готовятся к бою. Как-то это даже и не вяжется с моим представлением о 22 июня 1941 года, но разработчики игры не на пустом месте получили все возможные награды у историков. Значит, и вправду пограничники дали фрицам бой. Еще бы его увидеть...

– Рома, помогай.

Парторг, уже успевший вскрыть ящик с цинками, достал диски из брезентовой сумки и протянул один из них мне. Ну что, помочь первому номеру действительно нужно.

...Два часа с момента пробуждения пролетели вообще незаметно – время (семь утра) назвал старлей во время очередного обхода. Минут двадцать назад закончился обстрел. И хотя практически всем окружающим было явно не по себе от частящих разрывов мин и редких, тяжелых взрывов гаубичных снарядов, пограничники, сжавшись на дне извилистых окопов, продолжали готовиться к бою. Главное, в ко-

нечном итоге оказалось, что ни одна мина, ни один снаряд не смогли точно накрыть траншеи – нам крупно повезло! Не считая гибели Астахова, застава недосчиталась еще только двух бойцов, погибших под минами в первые минуты немецкой артподготовки.

К ДП мы с Василием старательно набили все имеющиеся у нас семь дисков, заодно я вдоволь напрактиковался. Как новоиспеченный второй номер расчета, в бою я должен буду успевать набивать опустошенные Нежелским. Кроме того, я аккуратно снарядил все четыре магазина к своей СВТ – в памяти опять всплыло, что при их чересчур поспешном снаряжении закраина верхнего патрона нередко оказывалась сзади закраины нижнего, после чего винтовку клинило при стрельбе.

По рядам бойцов пустили единственную фляжку с водой, легонько отдающей то ли тиной, то ли еще чем. Но на самом деле я был очень рад даже одному глотку чуть затхлой воды, который позволили сделать каждому бойцу. Опытные пограничники подсказали, как нужно правильно пить, чтобы приглушить жажду: тщательно смочив губы, хорошо прополоскав рот и горло – и только после этого глотать. Было не очень вкусно, но сильная жажда действительно отступила. Кроме того, высох пах, порезы на щеке и правой ягодице мне дали смочить спиртом – хоть какое-то обеззараживание! А Василий, узнав, что я не успел повязать портянки, достал мне пару запасных. Кирзачи (ан нет, юфтевые сапоги!) еще не успе-

ли растереть ноги в хлам; тщательно, по всей науке обмотав ступни и вновь обувшись, я буквально кайфанул! Благо что ко мне начал возвращаться и слух...

Как же, блин, мало человеку нужно на войне!

От радостных размышлений мое внимание отвлекло движение пока еще далеких серых фигурок, поднимающихся от берега реки. До того там дежурили наряды погранцов, однако после окончания обстрела они отступили к опорному пункту заставы. И вот наконец-то показался противник, ради драки с которым я здесь и играю! Вот только сейчас почему-то не испытываю никакой радости при виде наступающих фрицев...

– Застава! К бою!!!

Глава первая

Дата: 22 июня 1941 года. Декретное время: 7 часов утра.

Локация: опорный пункт третьей заставы 17-го Краснознаменского Брестского пограничного отряда

Сердце бешено колотится в груди, мешая взять точное упреждение на движущихся короткими перебежками фрицев. Серые фигуры приходят в движение буквально на несколько секунд, едва ли не со спринтерской скоростью бросаясь вперед! И только приноровишься к ним, как они тут же залегают.

За последние несколько минут мозг буквально закипел от поступающей в него информации – о том, как нужно целиться, беря упреждение на фигуры при движении противника, о том, как важно плотно прижать приклад при стрельбе к плечу, чтобы то не осушило отдачей. О том, как мягко требуется тянуть за спусковой крючок на выдохе, целя в центр живой мишени. Все это было мне незнакомо, а главное – знание того, *как* и *что* нужно делать, не придает мне никаких полезных навыков!

Потому я сейчас напряженно, до слез в глазах вглядываюсь в мелькающие пока еще вдалеке небольшие серые фигурки, которых, как кажется, не так и много. Но то, как сноровисто и толково они приближаются к траншеям, наводит

на не самые приятные мысли. Например, что в 41-м германцы били нас не только за счет подавляющего количества танков и самолетов...

– Огонь не открывать, пока на двести метров не подойдут! Ясно?!

Михайлов в очередной раз обходит бойцов, а у меня с губ невольно срывается вопрос:

– А как, блин, понять-то, где эти двести метров начинаются?

Слева раздается приглушенный смешок:

– Ты чего, Самса, совсем, что ли, головой сильно ударился?

Видя непонимание в моем взгляде, Нежелский снисходительно хмыкнул:

– Ну, ты чего, Ром, действительно, что ли, забыл? Мы же всего неделю назад на учениях все отработывали! Вон, видишь холмик, с которым только что немец практически поравнялся? Это ориентир на триста метров. А вон тот куст поближе к нам специально оставили и даже пристреляли – он как раз на двести метров и есть. Понял?

Посмотрев на куст, я немного приободрился. Далековато, конечно, но вижу его отчетливо. Значит, и фрицев буду хорошо видеть. Ох, и всыплю я им сейчас!

Неожиданно со стороны противника донесся глухой звук частой стрельбы – и тут же в бруствер прямо перед нами что-то чувствительно врезалось, я сквозь землю почувство-

вал сильные толчки! Василий мгновенно спрятался на дно окопа, я следом – правда, чуть-чуть притормозив. Откуда-то справа послышалось недовольное:

– Часто содють, гады. Метко.

Парторг поддержал сделавшего замечания бойца:

– С трехсот метров первую же очередь в бруствер вложил.

Опытный у них пулеметчик, зараза...

От тона Нежелского мне стало как-то грустновато – судя по проскользнувшей в его словах зависти, он так точно стрелять не умеет. Но встретившись со мной взглядом, первый номер ободряюще улыбнулся:

– Не бойсь, Ромка, отобьемся! Наш этот будет день, вот увидишь!

Звучит неплохо. Я действительно приободрился, видно, заразившись какой-то непривычной мне удачью от товарища. Думать, что окружающие меня люди всего лишь боты, больше не хочу и не буду – разработчики игры сделали все, чтобы они казались живыми, так что капсула своих денег точно стоит. Для себя я решил так: пока я здесь, немцы – настоящий враг, а погранцы – настоящие боевые товарищи!

– Двести метров! Огонь!!!

Прижав нас плотной стрельбой из своих пулеметов, фрицы явно пошли на рывок – стометровку противник преодолел всего за пару минут. Но не на тех они напали! По команде старлея со дна окопа встали все погранцы – буквально все, команда Михайлова будто электрическим разрядом прошла

по отделениям бойцов, защищающих опорный пункт на левом фланге (вот опять слова незнакомые!). В считанные секунды со стороны траншей по немцам открыли на удивление частый и дружный огонь.

Я, правда, первым выстрелом промахнулся: очередь ДП-27 парторга вблизи прозвучала оглушающе громко, так что я невольно отшатнулся. И потому первая пуля хоть и ушла куда-то в сторону фрицев, но явно выше их голов.

Чуть отодвинувшись от товарища, я поудобнее ложусь на бруствер грудью и, как следует прижав приклад СВТ к плечу, ловлю в открытый прицел вырвавшихся вперед германцев. Целик уже давно и заботливо отрегулирован на двести метров, осталось только подловить, да *мягко* потянуть за спуск. Вот сейчас...

Ближний ко мне немец, в очередной раз побежавший вперед, сам попадает на мушку. Сейчас он развернут ко мне лицом, и брать упреждения (попробуй в них разобраться с первого раза, даже если все знания уже в голове!) нет никакой нужды. Только скрестить мушку с целиком на животе фрица, так чтобы сверху они были на одной линии да мушка в самой середине.

– Огонь!

Командую сам себе и на выдохе тяну за спуск – вот только мягко не получается. Поспешил я, азартно нажав на крючок, – и винтовка дернулась в момент выстрела.

Но противник падает! Попал?!

Блин, нет! Или я все-таки промахнулся, или враг мне достался матерый, опытный. Почувствовал своим звериным фашистским нутром, что сейчас в него стрелять будут, – и прыгнул наземь. А теперь бодро ползет к окопам по-пластунски. Но ничего, я тебе сейчас в голову заряжу...

Однако в этот раз не успеваю даже прицелиться: короткая очередь вражеского пулемета ложится в считанных сантиметрах от головы. По щеке и левому глазу будто осколками бьют комья сорванной с бруствера земли. Причем в глазу ярко вспыхивает белым, и тут же все темнеет. В первые мгновения кажется, что в меня попали, и я с отчаянным визгом складываюсь на дне окопа.

– Ромка, что?! Ранили?! Дурачок, чего ты так долго выцеливал?

Немца своего я выцеливал, хотел хотя бы одного снять... Вслух я, правда, ничего не сказал, да и Василий сейчас не услышит: глухо матерясь, парторг гасит немецкую атаку короткими прицельными очередями. Может быть, даже мстит моим обидчикам. Не знаю, скольких он успел завалить, но со стороны возникает ощущение, что он со своим ручным «дегтяревым» сейчас – ключевой боец на нашем участке обороны. Ну, или один из самых ключевых. Потому, когда мне, уже немного отошедшему от первого испуга и отчаянно трущему левый глаз, упал в ноги пустой диск, а сверху раздался звенящий приказ «набивай!», я лишь послушно склонился над ним и начал снаряжать патронами. И еще не успел и на-

половину его заполнить, как парторг нырнул вниз и, критически посмотрев на мой глаз, коротко бросил:

– Меняем позицию.

Меняем так меняем... Подхватываю диск с цинком и, склонившись, следую за первым номером. Между тем в голове вновь будто отщелкнуло: пулеметчики давно взяли за правило готовить запасную позицию, а то и не одну. Ибо эффективно действующий расчет обращает на себя внимание врага, а тот всеми средствами усиления пытается подавить противника. И судя по тому, как лихо летит земля с бруствера на дно окопа, сейчас нашу позицию немцы чистят как минимум с двух своих МГ. Мимоходом удивившись незнакомому термину, я тут же получаю полноценную справку:

Единый пулемет вермахта в начале Великой Отечественной – МГ-34, «машингевер», принятый на вооружение в 1934 году. Разработан в станковом, ручном и танковом вариантах. Вес более 12 килограммов, питание как магазинное, так и ленточное, минимальный боезапас – 50 патронов. Скорострельность порядка 900 выстрелов в минуту.

Хм, в полтора раза больше, чем у ДП?! Но тогда сколько он жрет патронов?

Мои мысли прерывает выросшая впереди спина парторга – чуть ли в него не врезался. Он вновь приподнимается над бруствером, в то время как я продолжаю набивать диск. И только мне удастся завершить свою работу, как вниз тут же падает еще один – пустой. Глухо ругнувшись, я начинаю

снаряжать патронами и его, хотя где-то в глубине души даже рад тому, что пока нет нужды высовываться из окопов.

Между тем активная стрельба затихает, хотя вражеские пулеметчики и продолжают поливать погранцов ливнем пуль. Но даже я улавливаю, что в бою что-то переменялось и сейчас они шмаляют уже без особого азарта. Над траншеями раздаётся щемяще-родное русское «Ура!», а чей-то голос, выделившись из общей массы, коротко и устало произнес: «Отступают». Не удержавшись, приподнимаюсь и я и действительно наблюдаю, как фрицы отступают – причем так же грамотно, как и шли вперед. Отделениями, короткими перебежками, под прикрытием скорострельных МГ... Какое-то незнакомое возбуждение подначивает меня вновь вскинуть винтовку – в этот раз я ловлю в прицел крепкого, рослого немца. В отличие от большинства других, он вооружен компактным, ладным вороним автоматом – и, кажется, что-то приказывает своим.

«Это не автомат, а пистолет-пулемет МП-38 или МП-40...»

– Да похрен чем!

Враг замедлился. Буквально на мгновение он замер, что-то крикнув своим, и, сведя целик с мушкой строго на его животе, я *почувствовал*, что сейчас не промахнусь, что попаду точно в цель. Как будто меня с немцем на мгновение соединила какая-то незримая нить... И прежде, чем он порвал ее, дернувшись в сторону, я успел-таки мягко потянуть за спуск,

одновременно с выдохом послав все умное послезнание об оружии.

Я попал.

Я будто уловил мгновение, когда пуля вошла в человеческую плоть, сложив противника пополам, я будто услышал крик его боли. Но, упав, германец не замер на земле, а принялся бешено сучить ногами, ворочаться – и к нему тут же бросились еще двое немцев. Я было вновь стал ловить вражеские фигуры в прицел, но сейчас эти фрицы не стреляли в нас, они лишь пытались помочь своему раненому...

– Да стреляй ты уже!

Поспешная очередь негодующего Василия стегнула по земле совсем рядом с раненым и его помощниками, но лишь заставила их пригнуться и уже волоком потащить своего камрада. Ан нет, скорее всего, это был командир отделения или даже офицер – только они в простых пехотных подразделениях вооружены пистолетами-пулеметами... да пофиг, все равно проще и быстрее звать автоматами. Назло послезнанию, которое начинает уже раздражать.

Между тем, видя тяжелое положение раненого и его спасителей, активизируются немецкие пулеметчики, скрестив очереди на нашей позиции. Но в этот раз мы с Нежелским успеваем синхронно нырнуть вниз и некоторое время просто сидим рядом, тяжело дыша. Первым заговорил парторг:

– Хороший был выстрел. Важного немца ранил, Ромка! Ранил, да не убил. А чего не добил-то? Пожалел?!

– Василий, послушай...

Я оборачиваюсь к пулеметчику, но, взглянув в его глаза, замолкаю: зрачки их расширены так, будто паренек находится под кайфом. Заметна и крупная дрожь – да у первого номера настоящий отходняк! Но держится он молодцом и говорит вполне связно:

– Самсон, это война! Не провокация, не нарушение границы диверсантами – война! Они вон Мишку Астахова убили миной на рассвете, Иванова и Кобзаря накрыло осколками, пока до окопов бежали! Сейчас еще не знаю, какие у нас потери после боя, но двоих убитых видел точно! Наших. Убитых. Товарищей – ты это понимаешь, Рома?! Мы же с ними вместе полтора года отслужили! И чего ради ты этого немца пощадил?! Ранил, жалко стало? Да он через месяц из госпиталя выйдет, найдет тебя и шлепнет без всякой жалости!

Потерявшего берега парторга хочется послать далеко и надолго. Удерживает меня от этого лишь тот факт, что Нежелский-то по сути прав.

Слава богу, речь распаляющегося пулеметчика прерывает появление Михайлова:

– Пулеметный расчет!

– Слушаем, товарищ старший лейтенант!

– ...шаем, товарищ старший лейтен...

Немного торможу и опаздываю с уставным ответом, отчего моя речь выходит тихой и невнятной. Но, думаю, подобные ситуации еще долго будут для меня нормой.

– Молодцы!

Начальник заставы-то по сути еще молодой мужик, лет двадцати пяти – тридцати от силы. Лицо у него какое-то... простое, но в память врезается пронзительный взгляд серых глаз и выступающий вперед волевой подбородок. Похвалил он так, будто отрубил.

– Красноармеец Самсонов!

– Я!

Вот в этот не затормозил!

– Отличный выстрел.

– Служу трудовому народу!

Продвинутый игрой разум тут же подсказывает, как правильно ответить, – и легкая улыбка преобразует суровый фейс старлея, отчего становится прям как-то легко на душе. Между тем, жестом поманив меня к себе, Михайлов произнес уже тише:

– Молодцом держался и под минами. Но если не хочешь, чтобы тебе в следующий раз осколком яйца оторвало, ты задницу-то приопускай, когда ползешь, поплавром торчит! Понял?

– Так точно, товарищ старший лейтенант!

Свой совет командир произнес довольно тихо, так что помимо меня его услышал только фыркнувший парторг. Это вызвало в моей душе противоречивые чувства: от острого стыда до благодарности за проявленное начальником заставы понимание. Захотелось ответить Михайлову чем-то хоро-

шим, но он уже переключился на Нежелского и заговорил с ним серьезно, с неприкрытым уважением:

– Василий, действовал отлично. В ближайшие дни буду готовить представление на награду.

В глазах товарища буквально закипел восторг, а старлей между тем продолжил:

– Действовал грамотно, тщательно целился, несмотря на ответный огонь, бил короткими очередями – все как учили. Важно, что ты не потерял самообладание! Уверен, оно нам сегодня еще пригодится.

После короткой паузы командир спросил уже тише:

– Сколько?

Я даже не сразу понял, о чем спрашивают, но разом посуровевший парторг ответил четко:

– Двоих.

Михайлов кивнул, после чего вновь сказал: «Молодцы» – и пошел дальше по окопам, обходить и подбадривать людей. Я же неверяще оглянулся на поле и принялся считать съезжившиеся перед позициями взвода маленькие серые фигурки, кажущиеся сейчас будто кукольными. Раз, два, три, четыре, пять... шесть... На одиннадцатой мой счет закончился, и я с удивлением присвистнул:

– Ничего себе!

Василий вопросительно посмотрел на меня.

– Слушай, такой бой был, такая стрельба! И всего одиннадцать немцев положили?!

Парторг только хмыкнул:

– Добил бы своего да снял кого из тех, кто бросился вытаскивать, глядишь, и побольше получилось бы.

– Ну, хорош тебе!

После короткой паузы первый номер заметил:

– Ладно, проехали. Я тебя на самом деле понимаю, но все-таки зря ты еще раз не выстрелил. У тех, кто твоего раненого вытаскивал, на руках санитарных повязок с красным крестом не было, так что можно было... Ладно, все равно шансов у него мало: пуля в живот вошла. Если вовремя зашьют и от горячки не загнетса, считай, в рубашке родился. В госпиталь на несколько месяцев загремит! Да и вытаскивать его сейчас будут вдвоем на тот берег... Слушай, Ром, а выходит, что ты на три единицы немецкие силы сократил!

Я было расцвел в улыбке, но Нежелский меня тут же припустил:

– Но это только сейчас. Успеют вернуться. Вон к ним помощь уже подходит от берега.

Приподнявшись над бруствером, я действительно заметил, что к замершим метрах... да где-то так в пятистах от траншей (это по моим прикидкам) от реки густо бегут фрицы. Много фрицев, не меньше, чем атаковало нас в первый раз.

– Слушай, а сколько их сейчас было?

Василий равнодушно пожал плечами:

– Да отделения четыре, взвод – человек пятьдесят плюс-

минус.

– А сколько нас всего на заставе?

В этот раз парторг посмотрел на меня с нескрываемым удивлением, будто на дурачка какого:

– Ты чего, Самса, совсем тебе плохо? Так все-таки крепко головой приложился?!

Мне сказать нечего. Это понимает и мой товарищ, снисходительно усмехнувшись:

– Ладно, всякое бывает. Хоть стрелять не разучился! Нас здесь семь отделений по восемь человек в каждом, плюс управление – всего шестьдесят четыре человека... Было.

Тут Нежелский прервался и разом посмурнел, вспомнив о гибели товарищей. Чтобы не отвлекать его и не сидеть рядом, неловко молча, в очередной раз распрямляюсь и смотрю в сторону противника. Но тут первый номер меня огоршил:

– Ты особо не отсвечивай, у них с подкреплением снайпер мог подойти.

У меня аж ноги подкосились:

– Снайпер?!

– А ты думал! У нас по штату на роту положен снайпер? Положен. На заставе вон Гринев Саша имеет на руках СВТ с оптическим прицелом. А ты заметил, что на поле два тела прям рядом лежат? Так это Санек один пулеметный расчет подавил вчистую. Оружие, правда, немцы успели прихватить... Так вот, о чем я: у меня батя еще на германской

дрался, так говорил, что у врага снайперы за полкилометра очень редко промахивались, рабочая у них эта дистанция. Они сейчас к 129-му столбу отошли, он как раз в пятистах метрах от нас и стоит. А мы с тобой на этой позиции прицеливались, если снайпер у них уже есть, будет выцеливать.

Сиюминутно обрадовавшись тому, что верно определил дистанцию, разделяющую нас с противником, я на мгновение задумался о незнакомом названии «германская» – и тут же получил ответ:

Германской в СССР называлась Первая мировая война, хотя в дореволюционной России у нее было другое название: Вторая Отечественная. Снайперинг получил широкое распространение именно на фронтах ПМВ.

Спасибо за подсказку... Про снайперов я слышал очень много, и в моем понимании это какие-то сверхбойцы с самым совершенным оружием. Потому, полуобернувшись к сидящему рядом товарищу, я обратился к Василию, стараясь, чтобы голос звучал относительно ровно:

– Тогда, может, сменим позицию?

Нежельский согласно кивнул:

– Сейчас посидим еще чуть-чуть, да сменим.

После короткой паузы он добавил:

– У меня просто тело посейчас дрожит. Еще минутку посидим, хорошо?

Кивнув парторгу в ответ, я машинально потер левый глаз, на который в последние минуты уже даже и не обращал вни-

мания. Василий заметил мое движение:

– Как глаз-то, видит?

Попытавшись проморгаться, я грустно ответил:

– Да что-то не очень. Смутно. Он хоть цел?

– Не боись, цел. Красный только очень, а так на месте.

Тебе бы его промыть.

– А воду где взять?

Василий начал потихоньку вставать:

– Сейчас поищем. Может, даже до колодца доберемся, ведро наберем...

Речь парторга прервал противный свист, от которого по коже тут же побежали мурашки. И прежде, чем кто-то успел хоть как-то среагировать, первая же немецкая мина взорвалась точно в траншее, всего метрах в семи от нас...

Глава вторая

Дата: 22 июня 1941 года. Декретное время: 10 часов утра. Локация: опорный пункт третьей заставы 17-го Краснознаменского Брестского пограничного отряда

Этот минометный обстрел был гораздо более точным – и оттого гораздо более страшным. Первая же мина взорвалась в траншее нашего отделения, но благодаря извилистой форме окопов, поглотившей большинство осколков, погиб только один боец – красноармеец Потапов. Еще два «огурца» (так в армии чуть позже назовут небольшие 50-мм немецкие мины) упали буквально в метре от траншей – меня даже стегнуло по голове земляными комьями от близкого разрыва. Хорошо хоть, только землей...

После утреннего, полуслепého (хотя и более частого) обстрела по площадям фрицы пристрелялись к позициям опорного пункта, причем огонь, твари, сосредоточили на наших траншеях! Вскоре стало понятно, что бьют всего три миномета, но каждая мина могла стать последней для любого из бойцов. И эта деловитая неторопливость – буквально по три выстрела в минуту – вкупе с леденящим душу свистом, который при более близких попаданиях становился совсем коротким, вымораживали меня, как ничто другое в жизни.

В сущности, отделение спасла щель – специально подготовленное укрытие, представляющее собой узкое, в два метра длиной ответвление траншеи, защищенное сверху широкими деревянными плахами в три наката. Игровое послезнание подсказало, что боевые уставы РККА в 1941-м не предполагали тщательного окапывания – допускалось рыть лишь отдельные стрелковые ячейки под каждого бойца, которые иногда связывались извилистыми ходами сообщений. Но пограничные заставы отличались от общевойсковых рот определенной независимостью, да и ситуация с этого берега Буга была яснее и понятнее, чем в Москве. В погранотряде понимали, что войне быть, а потому никто не мешал независимым командирам типа Михайлова получше подготовить опорные пункты застав к обороне да получить дополнительное вооружение и боеприпасы на складах.

Так вот, щель нас очень крепко выручила: немцы часа два чистили позицию отделения минами – нетрудно догадаться, где эти твари готовят очередной свой удар! Несколько раз мины взрывались непосредственно в траншеях, чудом не зацепив оставленного в окопах наблюдателя, а одна взорвалась буквально в метре от входа в укрытие. Хорошо хоть, не напротив, – но еще одного бойца крепко ранило осколками в ногу и правую руку.

Но самый страшный момент был, когда мина угодила сверху точно в бревенчатое перекрытие! Оно выдержало, хотя, по-моему, боец, стоящий рядом, обоссался – не хуже ме-

ня утром. А еще я явственно расслышал в момент гулко-го удара «Господи спаси!», отчетливо произнесенное кем-то из погранцов. Держащийся справа парторг ничего не сказал, хоть и поморщился, – а я вдруг поймал себя на мысли, что, вслушиваясь в каждый свист, одними губами повторяю что-то подобное... И это я, игрок из будущего, всего лишь погруженный в очень качественную игровую реплику по Великой Отечественной, ни на мгновение о том не забывающий! А каково было моим предкам, когда фрицы давили их минами в 41-м и 42-м перед каждой атакой? Когда ответить врагу зачастую было нечем?! И ведь как-то удержались под Москвой и Сталинградом, буквально зубами вцепившись в родную землю. Определенно, пережив все это в игре воочию, начинаешь безмерно уважать тех, кто когда-то остановил фашистов на реальной войне... Хотя какая в 1941-м война?! Бойня!

Предупреждающий окрик наблюдателя раздался неожиданно, когда фрицы еще обстреливали окопы из минометов. Но укрытие пришлось покинуть, хотя сердце и сбилось с ритма при выходе из щели – однако же ничего не поделаешь, отделение уже получило приказ изготавиться к бою. Потому я безропотно последовал за Василием, в душе едва ли не осознанно молясь: «Только не сейчас, только не сейчас».

Пронесло. Но увидев, как движется к нам огромное число немцев – навскидку втрое больше, чем во время первой атаки! – я со страхом оглянулся по сторонам. Два человека

выбыло из отделения во время первой атаки, одного убило и одного ранило минами. В строю вместе со мной осталось всего два бойца, плюс пулеметчик-парторг! От этой нехитрой математики бросило в жар: сколько мы продержимся, если немцы всей массой ударят по нашей позиции?

Обстановку несколько разрядил Михайлов, занявший углубление-ячейку с закрытой бойницей рядом с нашим расчетом. Деловитость и бьющая через край энергия начальника заставы вкупе с продуманным планом отражения атаки вернули меня в чувство, позволив отогнать естественный страх.

– Разбираем эргэдэшки, бойцы, по четыре штуки на брата. Врага подпускаем на бросок, на сорок метров – ориентир куст осоки! До того молчим, даже головы из окопа не высываем!

Тогда я не удержался от испуганного возгласа:

– Товарищ старший лейтенант, разве остановим фрицев впятером, если так близко подпустим?!

Командир окинул меня красноречивым взглядом, в котором читалось что-то типа «кто там рот открывает», но ответил он на удивление подробно:

– Самсонов, ты забыл, что позади нас стоит замаскированный блиндаж младшего сержанта Пашенко? Я при первой атаке приказал молчать всем расчетам станковых пулеметов, но если «максимы» у нас по центру стоят, то ДС-39 как раз в блиндаже укрыт. Когда немцы попытаются нас атаковать,

он их сбоку фланкирующим огнем уделает, а сигналом для стрельбы будут как раз наши гранаты. Справа же поддержит шестое отделение, у них там сейчас и пулеметный расчет, и снайпер. Да и мы кое-что сможем: на пятерых один ручной «дегтярев» и три ППД, – тут старлей выразительно посмотрел на собственный автомат, – таким огнем германцев встретим, мало никому не покажется!

Оглянувшись, я едва сумел разглядеть в ста пятидесяти метрах позади позиции тщательно замаскированный и обустроенный блиндаж расчета станкового пулемета. В голове между тем вновь появилась необходимая информация:

Перед началом советско-финской войны (зима 39-40-го годов) на вооружение РККА и пограничных войск, подчиненных Народному комиссариату внутренних дел, поступил новый станковый пулемет ДС-39. Он обладал более высоким темпом стрельбы, чем пулемет «максим» (от 600 до 1200 выстрелов в минуту против 600) и весил вдвое меньше предшественника (33 килограмма со станком против 67 килограммов у заправленного водой «максима» со щитком). Однако выявленные в ходе боевых действий технические недостатки привели к тому, что перед самым началом ВОВ пулемет сняли с производства. Тем не менее получившие на вооружение ДС-39 стрелковые части и пограничные отряды воевали с новым пулеметом до полного выхода оружия из строя.

ППД – пистолет-пулемет Дегтярева, по штату полага-

ющийся в количестве двух единиц на стрелковое отделение (против одного у немцев!), перед войной и в самом ее начале поступал в войска в ограниченном количестве. А вот пограничники были вооружены им в полном объеме. ППД имел неплохую эффективную дальность стрельбы для ПП – до двухсот метров – и отличную скорострельность (до 1000 выстрелов в минуту) при емком диске на 71 патрон.

Короче говоря, разъяснение Михайлова меня успокоило – не полностью, но успокоило. Я сумел смириться с тем, что мы подпускаем врага на дистанцию последнего рывка – сорок метров можно пробежать секунд за пятнадцать, и теперь терпеливо ждал команды старлея.

Гранаты с выкрученными запалами во время обстрела находились вместе с нами в укрытии. Я об этом не знал, даже не заметил массивный деревянный ящик у земляной стенки, а теперь с содроганием представлял себе, что бы могло случиться, если бы «огурец» все-таки проломил крышу укрытия. Впрочем, если бы такое случилось и мина взорвалась в набитой людьми щели, мало бы не показалось и без возможной детонации гранат... И вот теперь я дрожащими руками снаряжал настоящие боевые гранаты, вкладывая запалы в каждую из четырех своих РГД-33.

А дело это непростое: вначале необходимо взвести ударник, потянув ручку гранаты на себя и повернув ее вправо. Затем необходимо повернуть предохранительную чеку на рукояти так, чтобы она закрыла собой красный маркер. Но,

в принципе, это просто и понятно, просто немного страшно. Пожалуй, самое ответственное – это вкручивание запала-детонатора в боевую часть, в этот момент руки реально дрожат! Хотя если предохранитель стоит на месте, то все должно быть в порядке... После вкручивания запала сверху на гранату надевается еще и «оборонительная рубашка» – стальной цилиндр с насечками. При подрыве они играют роль дополнительного поражающего элемента.

После всех этих манипуляций достаточно отодвинуть предохранитель до появления красного флажка и встряхнуть гранату: в этот момент накаливается капсюль – и не надо, блин, спрашивать, что это такое! Затем эргэдэшку необходимо без промедления метнуть в выбранную цель. Запал после встряхивания начинает гореть, и горит он всего секунды три-четыре до подрыва боевой части. Как-то страшновато... А услужливое послезнание еще и подлило масла в огонь, сообщив, что сами красноармейцы побаивались эргэдэшку, опасались встряхивать ее перед бросками. Блин, как я их понимаю!

И тем не менее сейчас, когда подобравшиеся уже на двести метров пулеметчики фрицев едва ли не заливают бруствер ливнем пуль, я крепко сжимаю в руке одну из эргэдэшек, словно свою последнюю надежду. Как же мучительно ожидание, когда в тебя стреляют, а ты не отвечаешь!

Судя по тому, как крепко стиснул гранату побледневший Василий – аж пальцы побелели, парторг испытывает схожие

со мной чувства. Ну, ничего, скоро уже старлей даст команду, и...

– Гранаты к бою!!!

Крик Михайлова, несмотря на тягостное, продолжительное ожидание, прозвучал внезапно. Но команду начальника заставы я выполняю в точности, начав распрямляться и одновременно встряхивая РГД. Тут же меня бросает в жар – с предохранителя ведь не снял! – после чего суетливо смещаю флажок предохранителя до появления красного маркера и вновь встряхиваю гранату.

При том, что счет идет на секунды, сознание каким-то чудом успевает зафиксировать, что немцы еще не добежали до куста осоки, и прилично так не добежали, метров двадцать. А мгновение спустя замечаю, как несколько фрицев одновременно с нами бросают в воздух свои «колотушки» – и наконец-то понимаю, почему команда старшего лейтенанта прозвучала так заполошно и отчаянно... В следующую секунду одеревеневшая рука практически без моего участие метает эргэдэшку – и прежде, чем я ныряю обратно на дно окопа, успеваю заметить, насколько корявым и слабым получился бросок: граната пролетела едва ли половину дистанции, упав где-то в двадцати метрах от траншей.

Граната М-24, принятая на вооружение вермахта, называлась советскими бойцами «колотушкой» из-за чрезмерно длинной деревянной ручки. Однако именно за счет нее солдаты противника умудрялись точно метнуть ее на дистан-

цию и в 60 метров.

Да не до тебя сейчас, послезнание...

Сразу несколько немецких «колотушек» падают рядом с траншеей; одна же влетает в окоп. Она упала практически посередине между нашей пулеметной площадкой и ячейкой старлея: вжавшись спиной в земляную стенку, я прикрываю голову руками, а живот коленями, со страха начав считать. Раз, два, три... На «четыре» гранаты взрываются со звонкими хлопками – а секундой ранее раздаются взрывы эргэдэшек в поле.

– Огонь!!!

Вновь пронесло – осколки легкой М-24 меня не задели; от пережитого ужаса я весь покрылся потом. Хватаюсь было за СВТ, но Нежелский, взгромоздив пулемет на бруствер, отчаянно кричит:

– Гранаты! Ромка, гранатами бей!

Позиция отделения оживает частыми очередями ППД и ДП, а рокот германских машингеверов перекрывает рев ДС-39, ударившей фрицам во фланг. Переждавшие взрыв не долетевших до них РГД, немцы попытались было рывком добежать до траншеи, но цепочку солдат противника буквально смело дружным автоматическим огнем! При этом вторая атакующая волна (человек из тридцати фрицев) залегла сейчас на метке долбаного куста осоки!

– Н-н-на-а-а!

В этот раз я сделал все четко: своевременно снял предо-

хранитель, встряхнул гранату и метнул ее уже на приличную дистанцию. Эргэдэшка практически долетела до огрызающихся частым винтовочным и пулеметным огнем германцев. Не удержавшись, я укрылся за бруствером по самые глаза, дожидаясь результата броска; граната взорвалась где-то спустя секунду после падения, не позволив немцам хоть как-то на нее среагировать. Один из двух ближних к ней стрелков после взрыва – не такого уж и громкого хлопка да безобидного с виду белого облачка – безвольно распластался на земле, выпустив винтовку из рук. Второй же схватился за лицо и перевернулся на спину – даже сквозь грохот стрельбы я расслышал его пронзительный визг!

– Ура!

Полный боевого азарта – и где мой недавний страх?! – хватаюсь за очередную эргэдэшку. Все необходимые манипуляции произвожу в считанные секунды – и очередная граната системы Дьяконова (обожаю тебя, послезнание!) летит в сторону врага. Хорошо летит, далеко... Меня буквально накрывает волна эйфории от осознания собственной неуязвимости и превосходства над врагом – те самые ощущения, которые я так желал испытать, запуская игру! Изготовив очередной смертельный подарочек фрицам, замахваюсь для броска и... И правую руку буквально пронзает резкая, острая боль – будто ее чем обожгло. А сорвавшаяся с пальцев эргэдэшка летит не к немцам, а падает всего в полутора метрах от бруствера... Хорошо хоть, не под ноги. Трачу послед-

ние силы на не слишком сильный толчок, все же сумев сбить удивленного Василия с ног – и только мы упали на дно окопа, как сверху раздался взрыв, показавшийся мне уже далеко не таким безобидным.

Пульсирующая боль в правой руке быстро нарастает и становится нестерпимой, а сознание начинает словно бы тухнуть. Буквально: в глазах темнеет на самом деле. Понимая, что может дойти и до скорой гибели рандомно выбранного персонажа, усилием воли вызываю игровой интерфейс – и сознание тут же проясняется, а боль автоматически притупляется и ощущается лишь где-то на периферии. Приободренный, я выбираю в открывшемся меню «Сохранить».

Ошибка.

Какая, на хрен, ошибка?! Сохранить!!!

Ошибка. Аварийное отключение электропитания. Программа иницирует режим дублирования пользовательских настроек с целью обеспечить функционирование текущего игрового процесса.

Что?! Выход!!!

Ошибка...

Интерфейс пропадает, и сознание вновь заполняет кажущаяся нестерпимой боль. Так и не осмелившись посмотреть на раненую руку, зажимаю ее кистью левой там, где больно – пальцы тут же ощущают что-то влажное и горячее.

Кровь.

Блин, так и загнуться недолго! Вновь отчаянная попытка

вызвать игровой интерфейс, которая проваливается, несмотря на все мои усилия.

Долбаная игра!!!

Я пытаюсь позвать Василия, которого особо уже и не вижу, – но с губ срывается лишь тонкий всхлип.

А затем меня накрывает тьма...

Интермедия

Ромка Самсонов по жизни был неплохим парнем, умеющим сопереживать чужой беде. Хотя далеко не всегда ему хватало решимости прийти на помощь окружающим или постоять за себя. Этаким домашний мальчик, хорошо учившийся в школе и самостоятельно поступивший в университет; уважение у одноклассников он пытался завоевать, помогая им с домашкой. Как результат, ребята охотно его использовали, но мало уважали, а девушки замечали только тогда, когда им нужно было что-то списать.

Родители Ромки снимали ему жилье в другом городе, давали денег на питание, но более уже ничем не могли помочь сыну-студенту. А тут на втором курсе обучения Самсонова в продажу как раз поступили навороченные капсулы игровой реальности «Великая Отечественная». Увлекающийся по жизни Самсонов решил во что бы то ни стало накопить денег и купить себе капсулу! Ведь это было очень круто и престижно в среде студентов – а главное, она позволила бы ему отправиться на поле боя великой войны XX века! Там, в

игровой реальности, он мечтал найти себя, точнее, построить нового себя – сильного, смелого, уверенного в себе. Этакое киношного героя, способного мочить фрицев направо и налево и обязательно нравящегося всем девушкам.

Короче, закусился Ромка, стал копить деньги. Полтора года копил, перепробовав кучу подработок от уличного интервьюера до грузчика, от официанта до землероя. Но накопить удалось чуть больше половины требуемой суммы.

И тут вдруг знакомые подсказали отличный вариант: есть заводская капсула с техпаспортом, но продается за полцены, типа возврат! Удивился и насторожился Ромка, но, увидев игровую капсулу в нулевой заводской обертке со всеми необходимыми штемпелями и полным пакетом технических документов к ней, Самсонов решился на покупку. Нет, он, конечно, прошел все предварительные тесты, попросил домой документы – «на посмотреть». Но все вроде бы соответствовало утвержденным нормам. На вопрос, почему капсула стоит всего половину, продавец-частник флегматично пожимал плечами: возврат.

Ну, возврат так возврат. Роман осуществил свою мечту, установив у себя в квартире капсулу и с головой погрузившись в игру. Вот только невдомек ему было, что капсула-то оказалась бракованной, с редким заводским дефектом: при аварийном отключении тока и запуске резервной батареи игра начинала очень опасно глючить. Обнаружив неисправность только при контрольной проверке уже перед самой от-

правкой в продажу, специалисты пришли к выводу, что при подобном глюке юзер не сможет самостоятельно выйти из игрового процесса, а вытащить его сможет только заводской специалист, подключившись к системе извне. Самое страшное в этой ситуации было то, что при гибели персонажа последствия для игрока были совершенно непредсказуемыми – от последующих психических расстройств до летаргического сна (по самым мрачным прогнозам).

Короче, дефектную капсулу отправили в утиль, ничего не объяснив техперсоналу пункта утилизации. А там, увидев, считай, полностью рабочую капсулу с полным набором предпродажных документов, который просто забыли убрать (да и кому в голову пришло бы это сделать, ведь в утиль же отправили?!), решили самостоятельно ее потестить. Потестили с исправно работающим электричеством – и, не обнаружив никаких дефектов, решили ее по-тихому толкнуть на черном рынке...

Короче, Роману досталась дефектная капсула – и по закону подлости электричество в съемной квартире, в которой он остался на выходные, отключили именно в тот момент, когда он попытался покинуть игру.

Стечение обстоятельств...

Глава третья

22 июня 1941 года. Декретное время: 21 час. Опорный пункт третьей заставы 17-го Краснознаменного Брестского пограничного отряда

Очнулся я от боли в правой руке. И еще не открывая глаз, понял, что с ней что-то не так: рану держат чьи-то крепкие пальцы. А потом боль, разбудившая меня, повторилась – по ощущениям, кто-то словно прокалывает мясо в районе бицепса.

Размежив веки, я убедился в том, что ощущения не обманули – сняв с меня гимнастерку, мою правую руку положила к себе на колени загорелая молодая женщина с длинными вьющимися черными волосами, заплетенными в косу. В текущий момент она сосредоточенно и сноровисто зашивает рану, плотно сжав ее края.

Заметив мой взгляд, девушка – мне сложно определить ее возраст, на вид от двадцати пяти до тридцати лет – коротко, но очень мило улыбнулась, заговорив со мной негромким грудным голосом:

– Очнулся, боец? Потерпи, сейчас еще один шов наложу, и готово. Рану я тебе промыла, края обеззаразила спиртом... Сейчас дошью и наложу свежую повязку. Будешь как новенький!

Очередная мягкая, женственная улыбка – и я чувствую, как в груди у меня все замирает, а тело бросает в жар. Незнакомка, может, и не писаная красавица, но точно не ошибешься, если назовешь ее очень привлекательной: высокий чистый лоб, тонкие, красиво изогнутые брови и длинные пушистые ресницы, обрамляющие большие серые глаза. Лицо ее пропорционально сужается к подбородку; несколько длиноватый, но не портящий общее впечатление нос – и красиво очерченные полные губы, между которыми при улыбке заметны ровные белые зубки. Есть в ее лице какой-то аристократизм, а в одновременно сочувствующем и успокаивающем взгляде чувствуются и ум, и благородство.

Не удержавшись, пробегаю глазами по фигуре незнакомки – и первое положительное впечатление только усиливается: гимнастерка не скрывает высокой женской груди, а вот ниже ее нет даже намек хоть на какой-то животик. Плюс идеально ровная, прямая спина – и длинные загорелые ноги, которые по колени скрывает юбка; в лучах вечернего закатного солнца кожа на голених кажется глянцевой.

Блин, интересно, а создатели игры предполагали секс в сюжетном развитии?! Вроде бы тэг изначально был «18+» за счет реалистичности боевых сцен и максимальной приближенности к реальности...

– Так, ну вот и все: пуля, по сути, только царапнула бицепс, не задев кости и лишь слегка надорвав бицепс. Старайся не мочить рану, перевязку будем делать ежедневно... А

теперь давай промоем тебе глаз.

Быстро и сноровисто наложив повязку на руку, девушка приподняла мою голову и начала аккуратно лить на глаз тонкую струйку воды, стараясь, чтобы она стекала от зрачка к переносице. В первую секунду процедуры я рефлекторно зажмурился, но потом стоически терпел, пока на глаз льется тепловатая вода. Под конец даже понравилось – возникло ощущение, что купаюсь, подставив лицо под струи из душа. Причем после процедуры глаз стал видеть действительно лучше, зрение практически восстановилось!

В завершение моя спасительница приложила свои длинные аристократические пальчики ко лбу, как видно проверяя температуру. Ладонь у девушки теплая, кожа нежная на прикосновение – и от нее исходит едва уловимый земляничный аромат... Тактильный контакт был совсем коротким, но будь то в моей власти – незнакомка никогда бы не отнимала руку от моего лица! Удивившись собственной смелости и в целом не осознавая, что делаю, я потянулся губами к теплой ладони девушки, что вызвало ее удивленный смешок:

– Совсем ожил, Самсонов?! Жара у тебя нет, а поведение странное!

Восхищенный близостью красивой женщины, я пропустил ее замечание мимо ушей и прямо спросил:

– Как тебя зовут?

Моя спасительница неожиданно нахмурилась и тихо проговорила:

– Странно, вроде бы внешних признаков сотрясения нет, с чем связана потеря памяти?

После чего она уже громче обратилась ко мне:

– Ром, ты что, меня забыл? Я Оля Мещерякова, медсестра!

И вот тут-то меня накрыло настоящим страхом, мгновенно задавившим романтический флер. Только сейчас до меня дошло, что девушка – в форме! Девушка в форме, а никакого послезнания о ее звании или о том, с кем вообще я разговариваю, в голове так и не всплыло! Я вспомнил о неудачной попытке выйти из игры, попытался вызвать интерфейс игры... Ничего.

Твою же ж!!!..

– Что с ним, Ольга Михайловна?

Знакомый голос. Это подошедший к нам парторг.

– Не знаю, – тон у медсестры явно встревоженный, – он бился сегодня головой? Мины или гранаты рвались рядом?

– И то, и другое с рассвета. Но ведь так у большинства.

– А провалы в памяти?

После короткой паузы Нежелский ответил:

– Да, были.

Медсестра уже гораздо более жестко и требовательно обратилась ко мне:

– Как тебя зовут?

– Рома... Роман Самсонов.

– Попробуй улыбнуться. Так... А теперь покажи язык.

Так... Подними обе руки одновременно! Так... Встань и пройди пару метров.

Придавленный свалившейся на меня жирной задницей просто космического масштаба, я безропотно выполняю все, что говорит мне Ольга. Наконец, она резюмирует:

– Послушай, никаких признаков инсульта у него нет: улыбка ровная, язык в сторону не уводит, слушаются обе руки, идет вроде по прямой. Но контузия есть контузия, а человеческий мозг полон загадок. Он в бою как участвовал?

– Нормально. Пока не потерял сознание, дрался нормально, фрица с автоматом пристрелил, диски быстро набивал, гранаты метал хорошо, две к немцам уложил точно.

После короткой паузы Ольга ответила:

– Тогда присматривай за вторым номером. Если до этого воевал, может, и впредь сумеет... В отличие от других.

На этих словах голос женщины предательски дрогнул, и она поспешила отойти от нас.

Парторг синхронно со мной посмотрел ей вслед:

– Красавица и умница, но казачка. Было бы иначе, небось в Москве в госпитале бы оперировала, а не у нас на заставе фурункулы выводила... М-да... У нее сегодня Олег Остапов прямо на руках отошел, пробитое легкое... Слово притом какое-то умное называла – пневмоторакс, кажется...

Василий обернулся ко мне, и в первое мгновение взгляд его показался мне очень жестким и злым. Я аж съежился, представляя, что первый номер собирается устроить мне го-

ловомойку за то, что выбыл из-за несерьезного ранения. Однако вместо этого он вдруг порывисто шагнул ко мне и крепко обнял:

– Прости, брат, прости! Ты меня от подрыва гранаты спас, утром под обстрелом выручил, а я тебя сразу-то после ранения и не смог перевязать. Потом думал, что ты кровью истек, вот в себя и не приходишь... Но сам пойми: не мог я тогда тебе помочь – без пулемета не удержали бы позицию. А пока немцев отогнали, все диски расстрелял, в аккурат хватило! Согласись, будь иначе – и германцы тебя так и так добились бы!

Чуть отстранившись, парторг ищуще смотрит мне в глаза. Стараясь не показывать своего облегчения, отвечаю насколько возможно равнодушно:

– Да ладно, что уж там... Значит, отогнали немцев?

Нежелский хищно осклабился:

– Вломили по полной! Хотя надо признать, упрямые они, немчура... Пять раз на штурм ходили, человек сто у заставы потеряли! В тот раз, когда тебя ранило, десятка три с половиной мы их положили. Пащенко здорово сбоку их проредил своим ДС, Гринева вроде бы ротного их уделал да расчет пулеметный еще один положил. И мы вчетвером кинжальным огнем в упор всех, кто дернулся было до окопов добежать, навеки упокоили. На вот, держи.

Парторг протянул мне кожаную кобуру. Видя, что я не спешу ее брать, парторг понял меня по-своему:

– Да бери же, твой трофей, заслуженный! Предпоследней гранатой ты накрыл второго номера расчета, я вот с него после боя пистолет и снял, Р-38 называется – сбоку выбито, прочитал.

Видя мое замешательство, вызванное прежде всего тем, что я просто не знаю, как пользоваться предлагаемым оружием, Василий буквально силком вложил мне кобуру в руки:

– Да не переживай ты! Никакого мародерства, товарищ старший лейтенант сам приказал обойти убитых, собрать исправные пулеметы, гранаты, фляги с водой да сухпай, если есть. Кстати, есть – с собой фрицы сухарные сумки взяли. И фляги ладные, алюминиевые, не чета нашим стеклянным, я на тебя тоже припас... Что пистолетов и автоматов шесть штук прихватили, ни старлей, ни политрук и слова не сказали. Бери!

Взяв кобуру, я как-то глуповато спросил:

– А как им пользоваться?

Васька крепко хлопнул меня по плечу:

– Пойдем, поешь, я уже и тушенку немецкую вскрыл – свиная, вкусная, зараза! А там тогда и покажу, как с пистолетом управляться.

Только сейчас я обращаю внимание, что мы находимся не на позициях заставы, а в лесном массиве – правда, чистом, в основном здесь одни сосны, сквозь кроны которых пробивается солнечный свет. По бокам же и спереди раздается частый гул, похожий на раскаты грома, иногда более звонкий,

иногда, наоборот, более глухой. Когда я пришел в себя, то находился в каком-то полубессознательном состоянии и не сумел выделить из окружающих звуков канонаду – уж источник гула я понимаю и без послезнания! Но сейчас то, что бой идет фактически по всей границе, причем уже впереди нас, совершенно не радует. Впрочем, о чем я? Немцы в 41-м до Москвы дошли, тут стоит удивляться, что третья застава сегодня отбилась.

Погранцы расположились между деревьев довольно скудно; пока мы идем мимо групп жующих трофейные консервы людей, оживленно обсуждающих прошедший бой, меня озаряет еще раз: в лес-то я добирался не на своих двоих – меня вынесли с поля боя!

Надо сказать, что, кроме родителей и близких родственников типа бабушки и тети, в моей жизни мало кто обо мне заботился или приходил на помощь в сложной ситуации – причем тогда, когда я об этом не просил. Во всех коллективах, где бы я ни бывал – от школьного класса и секции самбо, где занимался два года с 11 лет, до университетской группы или коллег по временным подработкам – везде исповедовали принцип «сам по себе и сам за себя». И тут вдруг меня, раненого, без сознания, вынесли с поле боя.

По совести говоря, это трогает – вместе с искренностью Нежелского, что только усиливает произведенный эффект. То есть умом я понимаю, что по-прежнему нахожусь в игре – хотя тут бабка надвое сказала, где я сейчас нахожусь и

что тут вообще происходит! – но внутри проняло. И неслабо проняло!

...До стоянки парторга, которую хорошо заметно по стоящему у толстого стола сосны «дегтяреву», нам пришлось пройти всего метров десять. Тут же товарищ вручил мне ополовиненную банку тушенки и пару галет.

– Лопай, мне очень понравилось!

Я с некоторым подозрением уставился на розоватого цвета массу, в которой встречаются комки нерастаявшего жира. Запах тоже... не айс. Хотя нет и ничего отвратительного.

Но тут вдруг страшным образом заурчал голодный желудок – если разобраться, я ведь с рассвета ничего не ел! Поэтому, покрепче ухватив ложку, отважно беру кусок мяса без жира и отправляю его в рот... Ну что сказать, если кто представляет, что, открыв банку как следует не разогретых мясных консервов, сумеет насладиться вкусом настоящего деликатеса, он глубоко заблуждается. И страшно себе даже представить, каков советский тушняк, раз парторг так нахваливает трофейный.

Впрочем, пережеванное мясо не вызывает рвотных спазмов – скорее наоборот, желудок урчит уже довольно. Потому дальше я метаю свинину без каких-либо терзаний и размышлений, заедая ее ломкими и хрусткими галетами. Последние, в общем-то, безвкусные, так, солоноватые, – но с мясом идет вполне неплохо.

– А попить?

Нежелский только усмехнулся, покачав головой, но фляжку протянул:

– Держи, твоя!

Я с удовольствием присосался к горлышку и начал жадно глотать тепловатую воду – только сейчас понимаю, как сильно хотел пить. Живительная влага кажется настоящим нектаром...

Пока я ем, парторг возится с собственным трофейным пистолетом – ладным, вороненым. И только я завершаю трапезу, как он тут же обращается ко мне:

– Доставай свой.

Оживившись после еды, я и сам с удовольствием решил освоиться с оружием, потому с энтузиазмом раскрыл клапан кобуры – что оказалось совсем несложно – и достал из нее сам ствол, попутно обратив внимание, что внутри в специальном отделении остался еще один магазин.

– Смотри, – Василий показывает на рукоять пистолета, – тут внизу защелка. Нажимаешь на нее, и магазин можно доставать.

Я в точности повторяю все действия товарища, извлекающего магазин из рукояти Р-38.

– Рассчитан на восемь патронов, калибр, как я понял, – девять миллиметров. Обратно загоняется вручную до фиксации защелкой. Смотри дальше – слева наверху предохранитель. Видишь?

– Вижу.

– Режим огня – положение предохранителя параллельно стволу. Поднимаешь флажок только непосредственно перед боем! Нижнее положение защищает от самопроизвольного выстрела.

Слушая парторга, я тут же попробовал сместить флажок – и он без особых усилий сдвинулся из нижней точки вверх, заняв положение для стрельбы.

– Опустить вниз!

Негодующий окрик первого номера заставляет меня испуганно направить ствол в землю – до того я держал его у самого лица, дулом в сторону леса. То есть в сторону погранцов.

– Так, – голос Нежелского вновь спокоен, – а теперь берешься двумя пальцами за затвор и аккуратно отводишь его назад.

Повторив действие Василия, я испуганно уставился на патрон, открывшийся моему взгляду – правда, он тут же упал вниз, провалившись сквозь пустую рукоять.

– Видишь?!

Вижу. Спина покрывается холодным потом от понимания того, что все это время в моих руках было готовое к бою оружие с патроном в стволе.

– Ну а теперь чуть приподними флажок предохранителя и подай затвор обратно. Можешь нажимать на спусковой крючок.

Я послушно повторил все, что мне сказал сделать парторг – раздается сухой щелчок. Спуск показался мне доволь-

но мягким, несложным.

– Ну, вот и все. Теперь вставь магазин в рукоять и дошли патрон в ствол, передернув затвор.

Выполняю все манипуляции уже с некоторой сноровкой.

– Опусть рычаг предохранителя вниз.

Сделано, – но тут вдруг щелкает курок и спусковой крючок. Я аж вздрогнул! Но выстрела не произошло, а Нежелский только улыбнулся.

– Безопасный спуск. Хорошее оружие, надежное... А теперь достань магазин, доснаряди в него выпавший патрон и снова загоняй обратно. В бою если придется использовать, будет у тебя на один патрон больше.

Пока я выполняю все эти манипуляции, Василий достает из трофейной сумки длинноручную немецкую «колотушку».

– Удобные у фрицев гранаты – я шесть штук урвал, но свои впредь понесешь сам, понял?

– Да, конечно!

Парторг по-доброму усмехнулся.

– Ну, вот на том и порешили. Значит, смотри: тут никаких заморочек нет. Свинчиваешь нижнюю крышку у рукояти, выпадает шарик на шнурке, – первый номер наглядно показывает все, что озвучивает, так что никаких лишних вопросов не возникает, – рвешь шнурок, запал начинает гореть. После чего гранату можно бросать в цель, летит отлично, очень удобная при броске. Тебе – три штуки, плюс две эргэде.

Я только подивился тому, сколько всего тащил на себе Василий, лишь сейчас заметив у ствола сосны и свою СВТ. Проследив за моим взглядом, Нежелский вновь ко мне обратился:

– Тебе бы ее почистить, а то до боя дойдет, и будешь ты из пукалки отстреливаться – ведь заклинит же винтарь. Пистолет дело хорошее в окопном бою, а на дистанции лучше «светки» и не придумаешь; выход через двадцать минут, как раз успеешь.

Растерянно осмотрев самозарядку, я грустно спросил:

– Поможешь?

Пулеметчик, судя по выражению лица, удивился, – но вслух ничего не сказал, видать, вспомнил о моих провалах в памяти. Между тем, осмотревшись по сторонам, я решил поинтересоваться:

– Куда отходить-то будем?

– Товарищ старший лейтенант сказал, что к узлу обороны нашего укрепрайона, что у Новоселок. Там доты, пушки, пулеметы, патронов и запасов еды в достатке, гарнизон... Зацепимся – и удержим фрицев до контрудара наших. С заставы уходить, конечно, жаль, но командир боится, что окажемся в окружении. Да и артиллерией вновь накрыть могут, только более точно.

Согласно кивнув и приступив к чистке самозарядки под чутким руководством бывалого бойца, сам я всерьез задумался над тем, как быть дальше. Каким-то, блин, могильным

холодом повеяло после слов о контрударе наших – не будет ведь никакого контрудара в 41-м под Брестом! Будет драп армии от границы под массированными воздушными атаками фрицев!

Хотя... Как-то не так я представлял себе первый день этого драпа – уж больно успешно дрались пограничники с германцами: инициативно, смело, с умным использованием тех же пулеметов или гранат. Да и никакого технического превосходства врага я не заметил, разве что безнаказанный минометный обстрел, так от него хорошо защитили окопы. Конечно, одинокую заставу еще не бомбили самолеты, фрицы не бросали в бой многочисленные танки... И все-таки никакого морального слома и пораженческого настроения у погранцов я не заметил – все возбуждены и оптимистичны. Чувствуют, что в этот раз победа осталась за ними!

Однако это сегодня – а что будет завтра? Про доты, конечно, здорово звучит, и я не сомневаюсь, что, если погранцы до них благополучно доберутся, немцам они крови попьют. Но ведь в конечном итоге их все равно там перемелят! И меня вместе с ними, если пойду к обреченному узлу обороны...

Тогда что? Кинуть, предать товарищей по оружию? Да какие это товарищи?! Боты, просто игровые боты! Долбаной виртуальной игры, которая, походу, как-то загнула. Весь вопрос в том, что будет, если я погибну здесь? То, что ничего хорошего, понятно и так – уж очень реальной была боль от ранения. Но что случится с моим сознанием в реальности,

если меня убьют?! Может быть так, что игровой процесс, запущенный в моей же голове, в этом случае искалечит мозги? Не исключено – я же, блин, не знаю, как все в капсуле работает и какими могут быть последствия сбоя!

Ведь чуял же, что будет какая-то подстава с этой скидкой на капсулу, чуял!

Ладно, что теперь в прошлом копать... Самое важное то, что я не должен дать себя убить. Ни при каких раскладах!

Тогда как быть? Бежать от погранцов на марше, благо что смеркается, а вокруг меня лес? Звучит неплохо – на первый взгляд. Но, блин, я в форме, при оружии... Даже если все стволы и гранаты скинуть, распознать во мне военного не составит труда. Поменять обмундирование у местных на гражданскую одежду, пересидеть где-нибудь в окрестностях? Да я, блин, даже не знаю, куда идти, где здесь ближайший населенный пункт. Заблужусь в лесу, закружив ночью, а утром выйду к заставе, где обозленные потерями немцы мне даже руки поднять не дадут... Ведь, судя по воспоминаниям из курса школьной истории и фильмов по ВОВ, никакого щепетильного отношения у фрицев к пленным не было. Стреляли себе на потеху, ни о чем не переживая... Засада, блин!

Плен отпадает – даже если мне удастся выйти к «добрым» фрицам и меня тут же не шлепнут, в концлагерях мои шансы выжить вряд ли выше, чем в бою. Об этом как раз читал красочную, подробную статью, и даже если она и приукрашена, проверять на собственной шкуре как-то неохота... Вместе с

погранцами хотя бы посопротивляюсь напоследок, а в лагере ждут бесконечные мучения, к которым я просто не готов... Хотя, с другой стороны, есть шанс, что к тому моменту игра восстановится или капсулу починят – должны же родители спохватиться, когда я перестану отвечать на звонки?

Вот только в описании игры заранее же озвучили, что здесь время бежит в десять раз быстрее, чем в реальности. Тогда это казалось преимуществом... А по факту за последние четырнадцать часов пребывания в виртуальном мире «Великой Отечественной» за пределами капсулы прошло полтора часа. Родители забьют тревогу не ранее, чем завтра... Пока приедут, пока поймут, в чем дело, пока вызовут специалистов... Играть я начал в восемь, то есть настоящее время полдесятого. До понедельника – рассчитываю так, чтобы наверняка, чтобы достали специалиста с работы – нужно продержаться... Так-так... Да часов пятьдесят – или пятьсот здесь, на полях ВОВ. То есть как минимум двадцать дней.

Двадцать дней на войне... Когда-то казалось, что это совсем немного. Теперь же я понимаю, что этот отрезок времени – едва ли не вечность для сражающихся солдат. Тут ведь один день не каждый протянет...

А может, попробовать отбиться от погранцов, вернуться на заставу, добыть там по максимуму запасов еды – если, конечно, там что-то осталось! – да попытаться перекантоваться хоть бы в этом лесу? Конец июня, жара, ночью точно не

замерзну. Наверняка здесь и речка поблизости какая протекает... А немцы, может, сюда и не сунутся?

Соблазнительная мысль, не лишенная логики. Однако, осмотревшись по сторонам, я понял, что не знаю даже, каких размеров этот лес. А если это и не лес вовсе, а так, лесок?

– Слушай, Василий, а тут лес-то большой?

Парторг, чистящий затвор СВТ, на секунду замер:

– Самсон, ты меня пугаешь! Ты что, вообще все позабыл?

Я виновато пожал плечами.

– Ну ты даешь... Да пару километров всего в сторону Новоселок. И до Величковичей максимум километр. А тебе зачем?

Последний вопрос прозвучал уже с какими-то подозрительными нотками. Отвечаю максимально беспечно, стараюсь не провоцировать товарища:

– Да просто подумал, сколько сумеем пройти под прикрытием деревьев.

– Полпути...

Два-три километра в длину, километр в ширину. Разве много? Не так и мало, но если кто-то типа полицаев будет его чистить, найти мои следы и любое укрытие, что оборудую – типа шалаша, – им не составит труда. Или какой-нибудь немецкий полковник решит устроить себе пикник... Твою же ж налево!

– Привал окончен, собираемся!

Так ничего и не решив, я поднялся от дерева, поспеш-

но собирая самозарядку. Куда ни кинь, везде клин, как в поговорке про богатырей на распутье! Направо пойдешь – смерть, и налево пойдешь – тоже смерть... Но если разум так и не смог сделать выбора, то сердце определенно зовет пойти со *своими*...

Глава четвертая

23 июня 1941 года. Декретное время: 6 часов утра. 8-й опорный узел обороны 62-го Брестского укрепрайона

На рассвете от реки повеял легкий ветерок, хорошо освеживший лицо и приятно остудивший влажное от пота тело. Хоть и ненадолго, но он отогнал смрадный запах гари от сожженных дотов. И всего на несколько мгновений донес до меня запах полевых трав и цветов... Будто бы в аду распахнули окошко и дали всего один глоток чистого воздуха.

В аду... Я проклял решение остаться с группой. Уж лучше было бы скитаться по лесу и ждать, когда меня накроют тыловые части фрицев или полицаи, чем переться сюда! Но понял я это, только увидев опорный узел и обреченные взгляды его защитников в самые первые секунды прорыва к ним погранцов. Хотя вначале-то люди подумали, что пришло подкрепление, что они выполнили свою задачу по обороне вверенного им рубежа – и каким же счастьем засветились их лица! Но спустя всего несколько секунд, после того как они убедились, что к узлу обороны пробились чуть меньше сорока погранцов... их глаза просто потухли. Буквально, блин, потухли, я выражения подобной безнадеги никогда ранее в жизни не видел.

А ведь был у меня шанс уйти! Был!!!

Вскоре после выхода из леса наш отряд столкнулся с немецкой разведгруппой – или как там ее правильно называть? – короче, вступили в бой с фрицами. Правда, и было-то их не более отделения. К встречному бою оказались не готовы обе стороны, но сказалось численное и качественное превосходство бойцов-пограничников, вынесших с заставы восемь штатных пулеметов да прихвативших два трофейных МГ. В общем, немчуру буквально покروшили автоматическим огнем; я, например, только и успел упасть наземь – причем, как обычно, протормозив, – и испуганно, неловко потянуть самозарядку через плечо, как драка уже закончилась.

Оказалось, что фрицы преследовали двух выживших погранцов, чудом спасшихся в бою за те самые Новоселки, к коим мы шли, – это были бойцы второй заставы. Ее разгромили; кроме того, стало известно, что враг уже занял штаб-комендатуру отряда в Волчине. Однако же на узле обороны бой продолжался и вечером, судя по канонаде и частой пулеметной стрельбе. В этой ситуации старший лейтенант и штабной политрук, прибывший на заставу в ночь с 21 на 22 июня, решили разделить отряд.

Только на марше я узнал, что жены и дети командиров заставы жили вместе с мужьями в отдельно выделенном доме. В частности, у самого Михайлова – жена и двое детей, у его помощника, лейтенанта Перминова – молодая жена, студентка Галя. И судя по разговору бойцов, днем она сама сидела в окопах рядом с мужем и вроде бы даже во фрицев

стреляла... Тащить их на убой никто не захотел, и штабной политрук Кадацкий, собрав отделение легкораненых бойцов, двинулся в сторону Беловежской пуши, сопровождая две повозки с семьями командиров и тяжелоранеными бойцами. С ними же отправили и медсестру Мещерякову, следящую за состоянием тяжелораненых.

Вот, собственно, это и был мой бездарно профуканный шанс.

А ведь все начиналось неплохо! Я легкораненый, с провалами в памяти – подхожу по всем параметрам! Даже Василий, после недолгого колебания, отпустил меня со словами «удачи, Рома». Говорил он искренне, – и прощаться с парт-оргом мне было действительно жаль. Но когда я уже подходил к уходящей группе, то заметил, каким сальным взглядом мазнул по оттопыренной заднице медсестры Кадацкий – Оля как раз склонилась над одним из раненых. Зрелище действительно заслуживающее интереса, вот только не в то время и не в том месте. Как следствие, вспыхнувшую в душе неприязнь к политруку я не смог погасить сразу, не успел стереть раздражение с лица – и он это заметил.

– Товарищ политрук, разрешите пойти вместе с вами? Я легкораненый, как раз могу помочь.

Кадацкий откровенно неприязненно посмотрел уже на меня, после чего с этакой чванливой ленцой бросил в ответ:

– Группа сформирована, боец! Нам тунеядцы и трусы не нужны, вернись в строй!

– Товарищ политрук, – услышав мой голос и обратив внимание на наш разговор, в него попыталась было вклиниться Мещерякова, – Самсонов действительно ранен. Он может пойти с нами. . .

– Товарищ *медсестра*, – голос Кадацкого буквально источает лед, а должность Ольги он и вовсе выделил презрительной интонацией, демонстрируя свое превосходство в положении, – решение о том, кого из своих людей направить к нам, принимал начальник заставы. Боец, ты направлен сюда старшим лейтенантом Михайловым?

Вот что мне тогда стоило сказать «Так точно!»? Пусть я по глупости и из-за страха отказа не подошел к командиру с малодушной просьбой отпустить меня, но ведь не побежал бы тогда политрук лично у старлея спрашивать, он уже колонну погранцов уводил! Но я на секунду растерялся, а Кадацкий, не дав мне времени сообразить, что ответить, злобно рывкнул:

– В строй!!!

Его крик словно обжег меня; отступив назад и в ярости сжав зубы, я развернулся по направлению к уходящим погранцам. . . Тут-то у меня еще был шанс оторваться от заставы и попробовать пойти следом за группой политрука, держа их в зоне видимости. Собственно, когда это пришло мне в голову, я и затормозил – но, как назло, меня заметил лейтенант Перминов, замыкающий колонну. Может, он даже слышал часть разговора – и, раздраженный расставанием с

женой, буквально рыкнул на меня:

– Самсонов, в строй! Бегом!!!

Уж его-то, прекрасно осознающего, что вряд ли еще доведется встретиться с любимой, моя попытка спастись, прикрывшись легким ранением, наверняка разозлила. Так что летеха внимательно проследил за тем, чтобы я пристроился к погранцам, и только после этого повернулся к телегам, отчаянно замахав рукой своей Гале. Та это увидела, замахала в ответ, крикнула что-то вроде «я тебя дождусь»... Прозвучало искренне и в то же время с каким-то отчаянным надрывом. Даже меня, стороннего человека, сцена их расставания пробрала до печенок. А что чувствовал в этот миг сам лейтенант?! Он ведь не мог быть даже уверенным в том, что его жертва не будет напрасной, что возлюбленная спасется... Хотя, может, они все здесь еще верят в то, что могучая Красная армия за ближайшие пару дней крепким контрударом выбьет фрицев за Буг? Вполне вероятно – ведь это единственное, что держит сейчас людей, вступающих с врагом в неравный бой.

Только в отличие от них у меня-то как раз есть знание того, что случится на самом деле. А еще у меня есть что терять. По-настоящему терять.

...Выходя к узлу обороны, мы по дуге обошли Новоселки, потеряв время. И так получилось, что в тылу немецкого подразделения, занявшего позицию за дотами, мы оказались уже ближе к рассвету, где-то в половину четвертого. В то са-

мое время, которое у местных называется «собачья вахта» – другими словами, когда самый крепкий сон у отдыхающих и самое сонное состояние у караульных. Плюс фрицы откровенно не ждали атаки с тыла.

Старший лейтенант, обладающий задатками отличного тактика, очень толково подготовил прорыв. Вперед выдвинулись две группы с автоматами, причем первыми пошли бойцы с немецкими трофеями – ведь у них родной для фрицев «голос». Ну, то есть звук выстрелов. Второй волной отправились десять наиболее подготовленных погранцов с советскими ППД (еще пять автоматов и один ручной «дегтярев» выделили людям Кадацкого). Обе группы взяли с собой по максимуму гранат.

Штурмовики по-пластунски подползли к свежевырытым немецким окопам метров на тридцать-сорок, после чего и пустили в ход германские М-24 и отечественные эргэдэшки. С первыми разрывами на участке прорыва поднялась дикая суета, фрицы принялись беспорядочно, хаотично стрелять (причем дозоры поначалу били в сторону дотов) и пускать в воздух сигнальные ракеты. Вот в их свете по врагу и открыли кинжальный огонь из шестнадцати автоматов...

По сигналу старлея в атаку пошла и вторая часть заставы. Я бежал вместе со всеми, держась рядом с Нежелским (парторг удивился моему возвращению, но подумал, что это был душевный порыв; разубеждать его было как-то неудобно). Поначалу было страшно, а потом я уже просто бежал,

буквально ни о чем не думая. Один раз, правда, чуть ли не рухнул в окоп, словно разверзшийся под ногами, но сумел все же удачно спрыгнуть, ничего не повредив. Живых немцев там не оказалось...

В общем, прорыв вышел удачным, фрицев застали врасплох, очень мощно ударив. Конечно, не обошлось и без потерь: немецкие пулеметчики развернули МГ на станках и также буквально в упор обстреляли пограничников, погибло шесть человек. Но один расчет тут же закидали гранатами, другой положили уже наши пулеметчики, прикрывая атаку заставы. А боевое охранение врага, выдавшее себя еще огнем по дотам, упокоил снайпер Гринев.

В свою очередь, гарнизон дотов, видя, что на фрицевских позициях идет настоящий бой, благоразумно не открыл по нам преждевременного огня, хотя Василий такую возможность на бегу озвучил. А действительно, может, немцы хитрость какую удумали, решили изобразить схватку и прорыв советского подразделения к укреплению, а на самом деле это штурмовая группа врага? Но обошлось. Свою роль сыграло то, что гарнизон ждал деблокирующего удара кадровых частей, а пограницы еще издали закричали: «Свои! Не стреляйте!» Ну и матюкались, конечно, на бегу, куда ж без этого. Зато никаких сомнений в том, что пробиваются реально *свои*, у защитников узла обороны не возникло.

В общем, первая часть плана старшего лейтенанта Михайлова – пробиться к хорошо оборудованным и защищенным

долговременным огневым точкам, дабы продолжить бои с врагом на границе, – была воплощена в жизнь блестяще. Но, как мне кажется, старлей не мог себе даже представить, в каком бедственном положении окажется гарнизон этого куска укрепрайона на второй день войны.

Что такое дот? Увидев их вблизи и даже заглянув внутрь, теперь я могу на это ответить. Дот – это несколько десятков сантиметров армированного бетона, выдерживающего попадания гаубичных снарядов, вооруженный несколькими пулеметами и в отдельных случаях пушками. Каждый дот – это мини-крепость с собственным гарнизоном, запасом еды и воды и боеприпасов, защищенный мощными бронированными дверями и заслонками на каждой амбразуре... Еще доты должны быть обеспечены автономным электропитанием, вентиляцией воздуха и связью с другими дотами, каждый из которых имеет свой сектора обстрела и в то же время прикрывает соседей. А соседи прикрывают его.

Кажется, что доты просто невозможно победить...

Да, все это так.

Вот только, как выяснилось, доты восьмого узла обороны оказались банально не достроены: не в полной мере обеспечены бронезаслонками и дверьми, в них как следует не работает система вентилирования, не везде есть источники водоснабжения. Но самое страшное даже не это.

Самое страшное – то, что доты оказались *не готовы* к войне! Утром 22 июня их гарнизоны располагались в казармен-

ном городке, за исключением караульного взвода. В дотах *не было* подготовлено запасов еды и патронов, кроме так называемого НЗ (неприкосновенного запаса), которого хватает в лучшем случае на несколько часов интенсивного боя. Как итог, бойцы и командиры добирались до своих мини-крепостей под вражеским огнем, потеряв где до половины, а где и до двух третей личного состава, а склад боеприпасов был уничтожен во время артобстрела.

Тем не менее на своем участке фронта третья рота, занявшая в общей сложности семь дотов (один и вовсе недостроенный, не вооруженный ни пушками, ни пулеметами), отбила все атаки. Но! Амбразуры бетонных крепостей предполагают ведение фронтального и фланкирующего (то есть бокового) огня, однако в большинстве своем доты не сконструированы для круговой обороны (по злой иронии судьбы – все, кроме недостроенного). В лучшем случае с тыла у них есть одна-две пулеметные амбразуры – и те в большинстве своем находятся напротив дверей, защищая гарнизон от вторжения внутрь штурмовой группы. Однако, как оказалось, фрицы отлично умеют уничтожать долговременные огневые точки, не подставляя своих людей под кинжальный пулеметный огонь.

К вечеру первого дня войны они уничтожили два из семи дотов. Нет, несколько фронтальных, лобовых атак германцев было закономерно отбито. Но обойдя узел обороны с тыла, немецкие штурмовики, уже практически недосягае-

мые для огня гарнизона, прорвались к двум пулеметным дотам, находящимся позади остальных. Они забрались на обреченные «крепости», имеющие всего одну амбразуру, смотрящую в сторону реки (их задачей было прикрытие по фронту впереди стоящих укреплений), и подорвали бронезаслонки, закрывающие шахты перископов. После чего накидали сквозь них гранат, тротильных шашек, залили бензином, подожгли – и уцелевшие защитники сами открыли броневые двери, спасаясь от забивающего легкие дыма. А на выходе их встретили тугие струи химического пламени немецких огнеметчиков... Жуткая смерть.

Поняв, что происходит, защитники остальных «крепостей» вышли наружу, сняв ручные пулеметы и разобрав имеющиеся винтовки. С большими потерями они отразили немецкий штурм. А потери были обусловлены тем, что полевых траншей вокруг дотов никто заранее не подготовил... Гарнизон копал стрелковые ячейки имеющимся шанцевым инструментом первую половину ночи, а расширяли и углубляли их уже мы, наскоро соединив ходами сообщений. Поспать мне не удалось – и что удивительно, как таковой сонливости и нет. Изматывающее напряжение, физическая усталость – сколько угодно, а вот сна ни в одном глазу.

Н-да... Еще вчера защитники укрепрайона особо не сомневались в том, что второй день войны станет для них последним: снарядов для орудий осталось по три-четыре штуки на ствол, гранат и винтовочных патронов в обрез. Правда,

большинство их отчаянно надеялись (кто-то надеется и сейчас), что вот-вот подойдут кадровые части, подтянутся советские танки, а с неба на врага рухнут «красные соколы»... Возможно, только эта вера и не позволила многим сложить оружие, удержала их от сдачи в плен. Однако вместо армии к ним пробились тридцать семь погранцов – невелика сила. Но если вдуматься, благодаря нашей поддержке 8-й узел обороны, может, еще и протянет один день...

Порыв ветра из-за реки словно погладил кожу на лице, но тут же рассеялся; растворился и луговой аромат в смраде сторевших дотов и быстро разлагающихся на жарком июньском солнце трупов. Справа раздался громкий, уверенный голос моего бывшего отделенного, младшего сержанта Артема Зиборова, поставленного старшим на нашей позиции:

– Боеприпас экономим, издалека не стреляем. Эти фрицы с нами еще не дрались, так что поступим как на заставе: подпустим поближе и ударим трофейными гранатами. После боя сразу включается расчет Нежелского, поддерживаю я, открывают огонь остальные. Все понятно?

В ответ раздается нестройное «так точно». Погранцов распределили практически равномерно между каждым из пяти дотов, по семь бойцов. Кроме того, наши группы усилили красноармейцами из гарнизона, доведя численность каждой до размера стрелкового отделения – одиннадцати человек. Трофейные машингеверы поделили поровну, сформировав расчеты из наиболее подготовленных бойцов; парторг,

кстати, получил второго номера из пехотинцев, так что я вновь стал рядовым стрелком, получив свой участок обороны.

Лейтенанты же наши засели в тылу с «максимами». Крупные, громоздкие пулеметы, как оказалось, дают хорошую кучность и точность боя, позволяя вести плотный огонь без смены ствола – у «старичков» водяное охлаждение. В общем, всем хороши «максимы», только слишком они заметные. Но как бы то ни было, командиры, взяв себе вторых номеров из защитников узла обороны, окопались позади нас, поделив между собой сектора стрельбы. До поры до времени они будут молчать, но если возникнет опасность прорыва фрицев в окопы, то тут-то их и встретит кинжальный огонь «максимов». В общем, очень разумно и, можно сказать, даже надежно.

И почему только в сердце так настойчиво заползает страх при виде многочисленных серых фигурок, начавших к нам приближаться?!

Глава пятая

23 июня 1941 года. Декретное время: 6 часов утра. 8-й опорный узел обороны 62-го Брестского укрепрайона

Враг открывает огонь по нашей позиции. Пока редкий, но очень точный: пограничника Сережку Ветрова угодившая в лоб пуля отбросила на стенку окопа.

– Все спрятались! Не высываемся! Ждем, когда подойдут ближе!

Зиборов командует злым, срывающимся голосом – его можно понять, бой только начался, а отделение уже потеряло одного бойца. Сам сержант продолжает следить за приближением противника сквозь небольшую амбразуру, проделанную внутри бруствера. Я же с радостью выполняю его команду, внутренне похолодев при мысли о снайперах.

Хоть я уже и не второй номер, но сумел занять место рядом с позицией расчета парторга. Сейчас же на полусогнутых переползаю к Нежелскому и Степану, бойцу из гарнизона.

– Ну что, Вась, видать, ты был прав насчет снайперов!

Оба пулеметчика обращают на меня встревоженные взгляды.

– Да не похоже это на звук выстрелов винтовок, Ром. Скорее на одиночные от МГ. Ты ночью видел их станки?

Я отрицательно мотаю головой.

– Я тоже нет, а вот Зайцев Олег и Прошин Валера – они расчет гранатами забросали – позже говорили, что на станке у немчуры был оптический прицел. У нас на станках к ДС тоже бывает, что монтируют. Так что выходит, что и не снайперы это вовсе, а пулеметчики их резвятся одиночным огнем.

В горле словно ком образовался. Нервно сглотнув, осторожно уточняю:

– И что, получается, с ними никак не сладить?

Василий удрученно покачал головой:

– Как?! Будь у всех дотов в ту сторону развернуты оружейные и пулеметные амбразуры да обеспечены оружием штатно, фрицы и станки бы не подтянули, да и окопаться бы не смогли. А так нам только на Гринева и надеяться. Он в недостроенном доте у амбразуры встал, своя оптика есть...

Свой снайпер – это, конечно, хорошо, особенно если Саша догадается, кто и откуда так точно по окопам бьет. Ну, будем надеяться, что догадается и сумеет кого из вояк вражеских заткнуть.

Вновь возвращаюсь на свою позицию. По примеру других, в своей стрелковой ячейке на уровне груди я сделал – неровно, но как смог – земляную полку для гранат. Осталось у меня всего две «колотушки» и одна эргэдэшка, остальные отдал ночью штурмовой группе. Запалы вложены во все, изготовить к бою и метнуть во врага – дело нескольких секунд.

Что приятно, меня после вчерашнего боя похвалили за то, как уверенно я действовал гранатами. Мол, в боевой обстановке так сможет не каждый, некоторые бойцы реально теряются... Внизу справа на дне ячейки стоит пустая консервная банка из-под тушенки, уже, кстати, советской. Почему-то решил не выбрасывать ее после быстрого завтрака, а вместо этого набил землей и решил придержать. В голову пришла бредовая идея, что, если припрет, можно будет ее бросить с криком «граната» и, пока фрицы залягут, сделать ноги.

Вопрос лишь в том – куда? До дотов отступить здесь не так далеко, но если противник нас сомнет, укрепления после проживут считанные минуты. А ведь за ними уже начинается река и вовсе вражеская сторона.

Тягостно длится ожидание схватки... Перед атакой я хотел и себе сделать амбразуру в бруствере, но проходящий мимо младший сержант отсоветовал. Мол, для боя неудобно, так как ограниченный сектор стрельбы, да и опасно. Шанс, что пуля или осколок залетит именно в крохотную амбразуру, ничтожен, но все же есть. Так зачем ослаблять защиту, если о приближении противника все равно предупредят наблюдатели?

...– Гранаты к бою!

Ну, наконец-то! Уже ошалев от бездействия, от того, что над головой все гуще летят немецкие пули да сыплется на макушку земля, я едва ли не с радостью приподнимаюсь над бруствером, одновременно раскручивая колпачок «ко-

лотушки». Руки аж дрожат от адреналина, но даже охваченный возбуждением, я все же очень аккуратно высовываюсь, чтобы выбрать лучшую цель. Мое внимание тут же привлекает группа из трех фрицев, держащихся довольно близко друг к другу и как раз заканчивающих перебежку. А у меня для вас есть подарок, голубчики...

Резко дергаю шнурок и, всего на секунду распрямившись, с силой метаю гранату. Бицепс правой резануло острой болью, которую я перетерпел, сцепив зубы... Все же оттого, что с непривычки от копа устала раненая рука, а может, просто от лишней спешки, бросок выходит не слишком удачным – «колотушка» упала за спиной и заметно позади фрицев. Но! Броска они не увидели. И осколки достают одного из немцев, не успевшего еще лечь на землю.

Практически одновременно с моей взрываются гранаты других бойцов отделения. При этом больше всех преуспел Зиборов: младший сержант метнул эргэдэшку с секундной задержкой – в итоге она взорвалась не на земле, а над головами фрицев, уделав сразу двойку врагов. Один из них, кстати, сам привставал с гранатой... Комот перед боем объяснял нам этот прием, хотя и не советовал им пользоваться без должной практики – и вот я увидел его в действии.

Не удержавшись от соблазна, хватаюсь за РГД. Мгновение спустя флажок предохранителя уже сдвинут, и я крепко встряхиваю гранату. Четко произношу «двадцать два», как научил сержант, и вновь полностью встаю с одновременным

броском. Эргэдэшка летит не так далеко и не так высоко, но, взорвавшись над землей, также, кажется, кого-то достала. Из-за дымного облачка в момент взрыва было не разглядеть в подробностях, но, по-моему, впереди кто-то упал.

Тем не менее сердце тут же сжалось от сожаления о бездумно потраченной гранате – все же ее можно было бы использовать более удачно! Однако сделанного не воротишь, и, буквально зарычав от боли – после второго броска бицепс заныл уже совсем сильно, а на гимнастерке над повязкой проступила свежая кровь, – хватаюсь за СВТ. Ну, сейчас я вам покажу, твари...

«Твари», правда, не очень хотят быть легкой мишенью, перемещаясь стремительно, коротки ми бросками, так и норовя уйти с линии прицеливания, а еще они очень плотно бьют в ответ. Пока, правда, не по мне, а по пулеметчикам нашего отделения, уже несколько секунд прижимающим врага плотным огнем «дегтярева» и трофейного МГ.

Неожиданно в поле зрения попадает немец, привставший для броска «колотушки». Он развернут ко мне лицом и залег всего метрах в пятидесяти от окопа. Чересчур поспешно, суется и от того теряя лишнее время, я направляю в его сторону самозарядку и прицеливаюсь. Но перед выстрелом делаю паузу – враг уже метнул гранату, уже практически распластался на земле... И в этот миг целик ровно сходится с мушкой, скрестившись на груди фрица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.